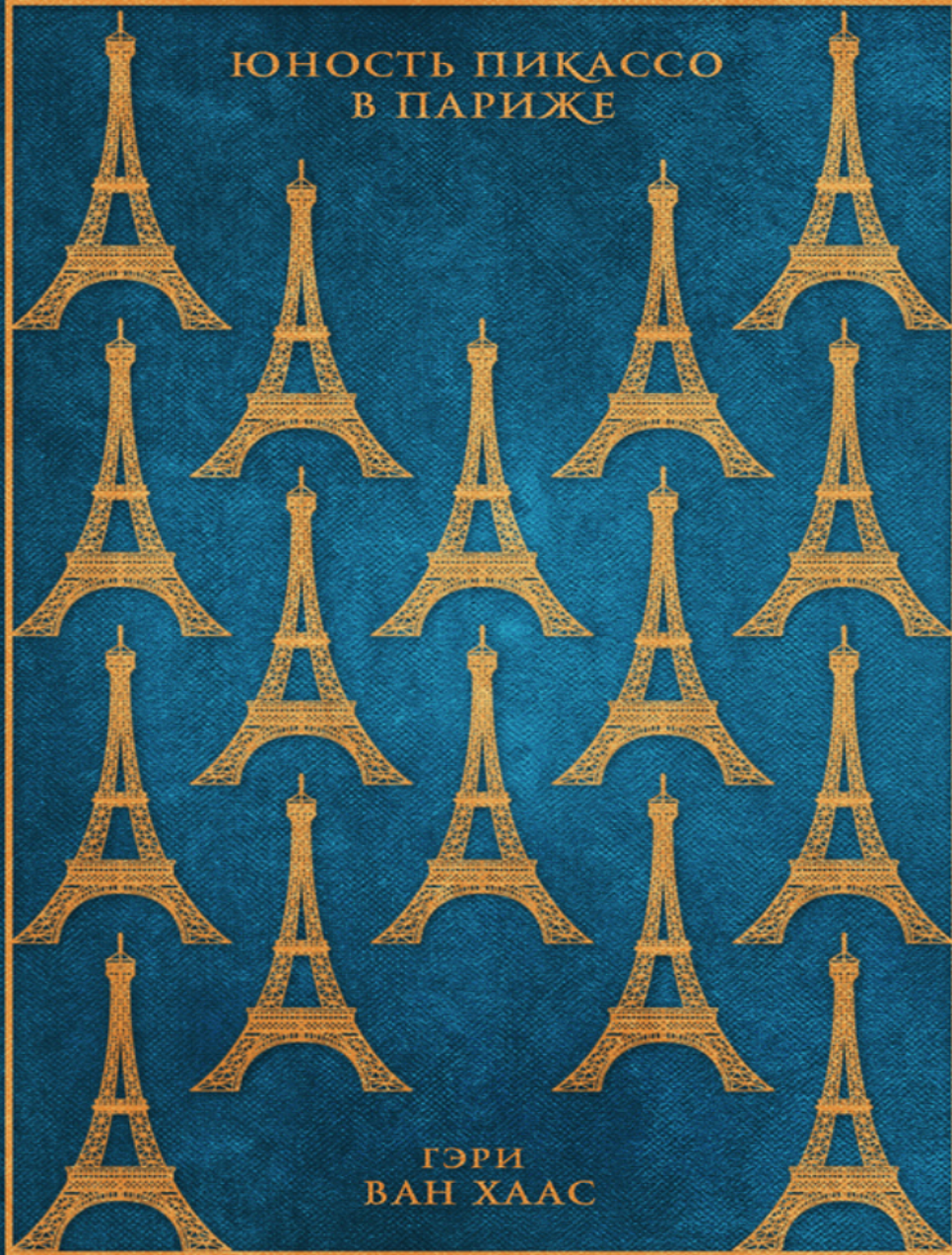

ЮНОСТЬ ПИКАССО
В ПАРИЖЕ

ГЭРИ
ВАН ХААС

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Книги серии «Роман-биография. Свидетели эпохи» повествуют о знаковых культурных событиях прошлого: об ушедших эпохах, подаривших миру гениев искусства, о жизни великих художников и о судьбах их шедевров. Книга «Юность Пикассо в Париже» рассказывает волнующую историю о молодых годах Пабло Пикассо – художника, ставшего великим, открыв новый путь в искусстве.

- [Гэри Ван Хаас](#)

- ☐ [Предисловие](#)
- ☐ [Пролог](#)
- ☐ [Глава 1](#)
- ☐ [Глава 2](#)
- ☐ [Глава 3](#)
- ☐ [Глава 4](#)
- ☐ [Глава 5](#)
- ☐ [Глава 6](#)
- ☐ [Глава 7](#)
- ☐ [Глава 8](#)
- ☐ [Глава 9](#)
- ☐ [Глава 10](#)
- ☐ [Глава 11](#)
- ☐ [Глава 12](#)
- ☐ [Глава 13](#)
- ☐ [Глава 14](#)
- ☐ [Глава 15](#)
- ☐ [Глава 16](#)
- ☐ [Глава 17](#)
- ☐ [Глава 18](#)
- ☐ [Глава 19](#)
- ☐ [Глава 20](#)
- ☐ [Глава 21](#)
- ☐ [Глава 22](#)
- ☐ [Глава 23](#)
- ☐ [Глава 24](#)
- ☐ [Глава 25](#)
- ☐ [Глава 26](#)
- ☐ [Глава 27](#)
- ☐ [Глава 28](#)
- ☐ [Глава 30](#)
- ☐ [Глава 31](#)

- notes

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29

Гэри Ван Хаас

Юность Пикассо в Париже

Предисловие

Существуют боги, и существуют смертные. Лишь немногим из людей удастся достичь божественных высот – как загадочному испанскому художнику Пабло Пикассо.

Родившись в Малаге – небольшом городке, он путем целеустремленной и методичной работы медленно, но уверенно добился в живописи непревзойденных высот. Однако о ранних годах Пикассо, которые сформировали его талант, о том времени, когда он разрабатывал свой динамичный, мощный, характерный стиль, до сих пор известно совсем немного, а ведь именно в тот период одаренный молодой художник превратился в мыслящего и талантливое мастера, каким ему и предназначалось стать. Автор этой книги – американский писатель и сценарист Гэри Ван Хаас постарался воссоздать историю пути юного Пикассо к славе. Роман можно считать достоверным, не принимая во внимание авторской трактовки некоторых фактов.

Юный испанский художник с отчаянным нравом и пылким сердцем приехал в Париж, будто ступив на залитую солнцем арену корриды – он готов дразнить этого быка и выйти из боя победителем.

Этот город закалил его характер и вознаградил его славой.

Пролог

В мае 1925 года в непринужденной атмосфере довольно душевного, многолюдного Парижского салона собралась группа представителей консервативной элиты от искусства, чтобы обсудить странную кубистическую картину Пикассо размером 96 на 92 дюйма ^[1], изображающую проституток в борделе. Изначально работа была названа «Авиньонский бордель», но стала известна как «Авиньонские девицы».

На картине изображены пять обнаженных женщин, проституток из борделя, расположенного на Авиньонской улице в Барселоне. Все персонажи написаны в тревожной, дерзкой манере и лишены какой бы то ни было женственности. Угловатые, почти уродливые очертания женских тел производят довольно устрашающее впечатление. Лица двух девушек будто скрыты под причудливыми африканскими масками. Остальные «девицы» написаны в иберийском стиле, характерном для Испании – родины художника, они выглядят дикими и свирепыми.

Эта картина Пикассо представляет собой уникальный образец примитивизма – направления, которое пренебрегает законами перспективы в пользу двухмерного плоскостного изображения. Это полотно возвестило о принципиальном отходе молодого художника от традиционной европейской живописи. У современников «Девицы» вызвали возмущение, теперь же они считаются одним из революционных произведений Пикассо, возвестивших пришествие современного искусства.

Граф Реджинальд Данелли Марбур, красивый молодой денди двадцати с лишним, франко-итальянский аристократ, богач, разглядывал картину, опершись на трость. Одетый официально – во фрак и белый жилет с галстуком, в модной шляпе «хомбург» из черного фетра – он рассматривал новую работу Пикассо с особенным интересом.

Марбур беседовал со степенной грузной женщиной лет тридцати пяти, стоявшей рядом. То была Гертруда Стайн – известный коллекционер и знаток искусства. Волосы ее были беспощадно стянуты на затылке в тугой узел.

Герти, как ее ласково называли друзья, никогда не носила ни украшений, ни вычурных нарядов, одеваясь подчеркнуто скромно – не то что праздные дамы тех лет. Наряженные в модные платья S-образного силуэта с глубоким декольте, они с надменным видом прогуливались по бульварам, выставя под нескромные взгляды полную грудь и плавные изгибы бедер. Кроме того, Герти

явно пренебрегала духами, предпочитая естественный запах тела.

– Честно говоря, – сказал граф Марбур, равнодушно осматривая «Авиньонских девиц» и прижимая к своему орлиному носу душистый носовой платок, – я совершенно не возьму в толк, отчего такая шумиха по поводу этой картины, но также я не понимаю и самой картины. Умоляю, объясните мне ее загадку.

Гертруда искоса взглянула на собеседника, будто прощая ему невежество.

– Чтобы понять Пикассо, нужно иметь представление об истоках его творчества, – бросила она и повернулась, собираясь уйти, но любопытный граф, который решил, будто чем-то обидел даму, придерживая шляпу, поспешил следом за ней. Когда Гертруда проворно проходила под колючими розовыми шпалерами, обрамлявшими садовую дорожку, граф окликнул ее.

– Подождите, Герти. Пойдемте вместе, – попросил он, – я хочу все о нем разузнать, вы меня заинтриговали.

Стайн остановилась, на ее полном лице появилась снисходительная улыбка, она покачала головой, будто мать, решившая уступить капризу ребенка.

– Идите, присядьте подле меня, – пригласила Гертруда, взяв графа за руку и опуская свое широкое тело на зеленую садовую скамью. – Все началось давным-давно, еще в Малаге...

Глава 1

Малага

1881 год

Будущий художник родился в час рассвета, когда в скалистом приморском городе Малага, расположенном в Андалузии, большое ленивое красное солнце тихо восходило огненным шаром над величественными горами, освещая малонаселенное южное побережье в районе Сьерра-Невады. Когда солнце поднялось выше, вдали сквозь серый туман проступили Средиземное море и Атласские горы.

Пабло Пикассо появился на свет 25 октября 1881 года. Он был крещен как Пабло Диего Хосе Франсиско де Паула Хуан Непомусено Мария де лос Ремедиос Сиприано де ла Сантисима Тринидад Мартир Патрисио Клито Руис-и-Пикассо. Никто потом не называл его этим длинным именем, младенца нарекли им только в дань давней испанской традиции. Такие имена обычно представляли собой случайную комбинацию из имен почитаемых святых и близких родственников крещаемого. Центральная часть имени, данного Пабло, повторяла имена его родителей: так было принято.

Отца мальчика звали Руисом, он происходил из испанского аристократического рода, а имя Пикассо досталось сыну от матери. Юный Пабло, родившийся в городе Малаге, был первенцем дона Хосе Руиса-и-Бласко и его жены Марии Пикассо-и-Лопес.

Семья Пабло принадлежала к среднему классу, но имела тесные связи в академических и художественных кругах. Отец его был уважаемым в своем городе живописцем. Писал он преимущественно природу, птиц и прочую живность. Также Хосе Руис преподавал основы живописи детям. В 1891 году семья переехала в Барселону, в район Ла Корунья, где отец почти целыми днями вел занятия в художественной школе Ла Лотья. Помимо обучения детей, он также выполнял обязанности хранителя коллекции живописи местного музея искусств.

По воскресеньям семья посещала церковь. По субботам же каждую неделю проходили бои быков, куда водили и маленького Пабло.

Коррида как часть испанской культуры известна с 711 года, когда ее впервые провели во время празднования коронации

Альфонсо VIII. Вскоре это зрелище завоевало огромную популярность, и каждую неделю тысячи испанцев устремлялись к местным аренам.

Изначально в боях с быками участвовали только аристократы, чаще всего верхом на лошадях, но Филипп V после своей коронации запретил знати выступать на таких представлениях, считая, что они тем самым развращают публику. После указа короля бой быков стал развлечением простонародья, а поскольку лошади стоили дорого, то участники выходили на арену пешими, безо всякой защиты, в связи с чем коррида преобразовалась в искусство увертываться от быков.

Это кровавое зрелище, несомненно, произвело сильное впечатление на юного Пабло и навсегда запечатлелось в его душе.

Однажды, обычным солнечным утром, зимой 1891 года, в мирном приморском городе, по почти сельской, мощеной, но ухабистой улице Ла Корунья шли, выкрикивая названия своих товаров, торговцы. В старых телегах, влекомых лошадьми, лежали овощи, фрукты, керамика.

Несколько маленьких детей из христианской школы, одетые в яркую свеженакрахмаленную сине-белую форму, распевали церковный гимн, в ногу шагая по направлению к часовне под предводительством двух угрюмых пожилых монахинь в черной одежде и белокрылых головных уборах. Один из малышей немного отстал, и суровая монахиня с хворостиной в руке отправила его назад, в конец процессии.

Проходя под аркой, дети взглянули вверх, на высокие шпили испанского собора XIV века, который возвышался над ними. Страшные горгульи и лица святых свирепо и неодобрительно смотрели на них.

Монах в бурой рясе поднялся на колокольню и приступил к своей ежедневной обязанности – тянуть за веревки чугунных колоколов, звон которых разливался по улицам огромного Мадрида.

В доме на соседней улице открылись старые, выбеленные солнцем ставни, и в окне появилось усатое лицо Хосе Руиса. Ему

немногим больше тридцати лет, у него густые черные волосы и борода. Он не особенно красив в классическом смысле слова, но обладает определенным изяществом осанки и уверенностью, которую дает общественное положение.

Радуюсь новому дню, Хосе выглянул из окна своей квартиры на втором этаже и помахал рукой торговцу овощами. Тот поприветствовал его в ответ.

– *Вуена тапана [2]*, сеньор Руис! Вам сегодня нужны свежие овощи? У меня славные зрелые красные помидоры, лимоны, желтые, как солнце Малаги, блестящие сине-черные баклажаны, огурцы, зеленые, как глаза Мадонны! Что выберете?

– *Nada [3]*, Хуан! Может быть, завтра: я скажу сеньоре, чтобы она составила список. Всего доброго!

Хосе вернулся в комнату, где его ждала уютная семейная сцена: восьмилетний Пабло расположился на полу и рисовал свою младшую сестренку Кончиту. У девочки были прелестные голубые глаза и длинные шелковистые черные волосы, но лицо бледное, а под глазами – темные круги, отчего вид у малышки был очень болезненный. Одета в ночную рубашку из розового ситца, она лежала на бежевом диване, укрытая толстым шерстяным одеялом.

– Когда-нибудь, Пабло, ты станешь знаменитым, – сказала Кончита.

– А ты будешь моей любимой моделью, – ответил Пабло. Погруженный в свои мысли, он быстро взглядывал на сестру и вновь опускал глаза, набрасывая на бумаге ее лицо.

Отец прошел по комнате, тихонько встал позади Пабло и стал наблюдать за тем, как тот рисует. Хосе кивнул, будто желая показать жене, что одобряет работу сына. Мария в это время вязала свитер, сидя в кресле рядом с детьми. Кончита глубоко и резко закашлялась, и родители обменялись тревожными взглядами.

– Ты приняла лекарство? – спросил Хосе и приложил руку ко лбу дочки, чтобы проверить, какая у нее температура.

– Это лекарство, кажется, больше не действует, – сказала Кончита и заплакала.

Пабло положил на пол альбом, продвинулся к сестре и стал гладить ее по голове. Кончита грустно смотрела в окно на холодное зимнее утро.

– Деревья кажутся совсем голыми. Пабло, мне так грустно! Я боюсь, что уже не увижу весны.

Дрожь пробежала по телу мальчика: его испугали эти слова.

– Не надо так говорить, мое сокровище. Бог защитит тебя.

Но Пабло знал правду и боялся за сестру. Он тоже посмотрел в замерзшее окно, у него в глазах появились слезы, капнули на набросок, и серые чернила рекой расплылись по контурам нарисованных щек.

– Ну, смотри, что ты наделала, – сказал Пабло, утирая слезы. – Испортила мне рисунок.

– Бедный Пабло. Я знаю, ты будешь по мне скучать.

Мальчик тряхнул головой. Ему нечего было ответить, и он изобразил улыбку.

– Мама лечит тебя, мама – лучший доктор в Малаге. Все будет хорошо, вот увидишь.

Кончита опустила голову на мягкую подушку.

– Я так устала...

В воздухе витал запах смерти. Пабло старался скрывать свои чувства, хотя сердце его рвалось на части.

Кончита сняла с шеи тоненькую золотую цепочку с медальоном и вложила ее в руку Пабло.

– Храни это и помни меня... всегда...

Пабло посмотрел на медальон, где было выгравировано имя сестры, и сунул его обратно в ее маленькую руку.

– Нет, Кончита! Если с тобой что-то случится, клянусь, я брошу рисовать.

У него свело живот от этой мысли. Он положил альбом на пол.

– Ты не должна так говорить. Ты должна молиться, и Господь тебе поможет. Обещай мне...

Кончита снова закашлялась и снова вложила медальон в руку брата.

– Пожалуйста! Ты должна стараться, должна выздороветь, – настаивал Пабло, заключив сестру в объятия и крепко прижав ее к себе. – Не бойся, малышка. Господь не позволит, чтобы с тобой что-то случилось. Он заботится о таких маленьких ангелах, как ты.

– Так ты напишешь меня в виде ангела?

– Да, в виде ангела, – сказал Пабло и начал нежно покачивать сестру в своих объятиях. Он укачивал ее до тех пор, пока она не начала засыпать. – Конечно, буду. Ангел мой! Я не хочу, чтобы ты думала о таких печальных вещах. Я так тебя люблю!

Пабло укутал Кончиту одеялом, встал и, подойдя к окну, молитвенно сложив руки, невидящим взглядом уставился на голые зимние деревья.

– Господи, пожалуйста, помоги моей малышке! – тихонько прошептал он.

Глава 2

Похороны

Прошло несколько дней. Пабло в той же позе стоял у того же окна, его руки так же были сложены для молитвы. Он смотрел на улицу с растерянным выражением лица. Он плакал, а за окном завывал холодный злой ветер.

Легкий снег укрыл землю белым саваном. Мимо дома шла похоронная процессия. Почти все были в черном. Впереди шествовал не старый еще священник. Он следовал за длинным черным катафалком, запряженным лошадьми.

Когда открылась дверь и отец с матерью в черных одеждах медленно вошли в комнату, Пабло обернулся. Лицо отца было измученным, постаревшим: казалось, родители совершенно сломлены.

Мать подошла к Пабло, но он отстранился, замкнувшись в себе, раздавленный горем потери маленькой сестры. При виде сына, отец чувствовал, как слезы наворачиваются на глаза. Он хорошо понимал, сколь глубоко поразила Пабло смерть девочки.

– Сынок, я понимаю, что ты испытываешь, но иногда жизнь не подчиняется нашим желаниям и поступает по своим законам. Мы должны хранить веру в Бога, у которого на все есть свои причины.

Но эти слова повисли в воздухе. Пабло их не услышал. Он молча, погрузившись в себя, сидел в углу, не желая ни с кем разговаривать. Немного погодя он встал, подошел к столу, выдвинул ящик, достал оттуда свои старые наброски Кончиты и горько заплакал. Мальчик впервые в жизни столкнулся со смертью, и ему казалось, что Бог покинул его.

– Папа, почему Бог ее забрал? Она была такой маленькой, такой хорошей...

Хосе нежно обнял сына.

– Я понимаю, ты сейчас готов проклинать Бога. От этого становится легче, но у Него, должно быть, свои причины на то, чтобы забрать ее у нас.

Пабло недоверчиво взглянул на отца.

А Хосе наклонился, чтобы получше рассмотреть набросок сына, и тот протянул ему листок. Хосе передал рисунок жене. То был прекрасный портрет Кончиты в виде крылатого ангела, летящего в облаках.

Мать заплакала и протянула руки к Пабло. Он подошел и обнял ее.

– Вот, Пабло, ты и сделал Кончиту вечной, – сказала мать. –

Она всегда будет жить в наших сердцах.

* * *

Впоследствии говорили, что смерть Кончиты от дифтерии очень сильно травмировала Пабло, и впоследствии это печальное событие наложило отпечаток на все его отношения с женщинами, в которых он видел либо богинь, либо шлюх. С возрастом Пикассо увлекался все более и более молодыми женщинами: в них он искал чистоты и детской невинности своей умершей сестры, которую обожал.

Глава 3

Барселона

1895 год

В конце 1800-х годов бесподобная солнечная Барселона была одним из самых изысканных испанских городов и оживленнейшим портом южного побережья. На ее мощеных улицах, в летнее время особенно наводненных людьми, располагались множество ресторанов, магазинов и баров. В далеком прошлом Барселона была римским городом, а в Средние века через нее прошел большой торговый путь, и здесь часто останавливались купцы. Городские мастера строили здесь самые большие в Европе здания – удивительной, невиданной сюрреалистической архитектуры. К их числу относилась и Саграда Фамилия – церковь, построенная Антонио Гауди.

Пышный расцвет изобразительного искусства и архитектуры Барселоны пришелся на конец XIX века. Этот город является столицей Каталонии – региона со своим собственным языком, своим характером и своей историей. Некоторые каталонцы даже считали свою родину с ее чистыми пляжами, курортом Сиджес и горой Монсеррат независимой территорией.

В возрасте четырнадцати лет Пабло превзошел сам себя, написав «Портрет тети Пепы», полный энергии и драматизма. Один критик впоследствии причислил эту работу к ряду «величайших произведений в истории испанской живописи». Молодой художник показал, каким могучим потенциалом он обладает. Пришло время продолжить образование в сфере изобразительного искусства.

В престижной Академии изящных искусств Барселоны для группы примерно из двадцати студентов позировала молодая обнаженная натурщица. Сосредоточенные студенты напряженно трудились у мольбертов. Стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом кистей. По залу прохаживался пожилой седовласый преподаватель в синей блузе. Он подходил к каждому из юных художников и критически разглядывал их работы. Внезапно преподаватель остановился – при взгляде на работу одного из студентов у него загорелись глаза. Он стоял у мольберта Пабло Пикассо, которому тогда было всего лишь шестнадцать лет.

Профессор жестом подозвал двух других студентов, чтобы те посмотрели на прекрасное изображение обнаженной модели. По

лицам юношей было видно, что они оценили работу товарища, а Пабло все продолжал рисовать, не обращая внимания на зрителей, собравшихся у него за спиной.

Пожилой преподаватель, впечатленный увиденным, положил руку на плечо юноши, осторожно снял работу с мольберта и подумал: «Удивительно... И чему я могу научить этого мальчика? Ведь он давно превзошел уровень, на который рассчитаны наши задания».

Войдя в гостиную своего дома, Хосе Руис, в длинной белой блузе, испачканной краской, с палитрой и кистями в руках, внезапно остановился позади сына и заглянул ему через плечо. Пабло решил немного изменить старый набросок белого голубя, который Хосе сделал несколько месяцев тому назад.

Мужчина вздохнул: великолепное качество работы сына произвело на него сильнейшее впечатление. Под рукой Пабло голубь будто ожил.

Юноша взглянул на отца, ожидая одобрения, но Хосе, казалось, утратил дар речи. Он ничего не сказал, пораженный мыслью, что сын превзошел его в мастерстве художника, покачал головой и положил перед Пабло свою палитру и кисти.

– Что такое, отец? Это же твои любимые инструменты.

– Да, сынок, но теперь ты стал мастером, и я должен передать тебе их по наследству. Это древняя традиция нашей семьи.

Хосе, как и учителя Пабло, понимал, куда должен отправиться мальчик. Следующим пунктом назначения для любого молодого художника, намеревавшегося сделать карьеру и обрести славу, была столица Испании. Во исполнение надежд семьи Пабло осенью 1897 года покинул Барселону и уехал в Мадрид, где поступил в Королевскую академию изящных искусств Сан-Фернандо. Ему было шестнадцать лет.

Глава 4

Мадрид

1898 год

Мадрид был сильно не похож на Барселону: он превосходил ее размерами и отличался совсем иной архитектурой. Возникновение Мадрида относится ко времени правления великого арабского эмира Мохаммеда I, который приказал соорудить крепость на левом берегу реки Мансанарес. Впоследствии крепость стала предметом споров между христианами и арабами, и споры эти продолжались до тех пор, пока в XI веке ее не завоевал Алонсо VI. К концу XVII столетия были построены оборонительные укрепления для защиты отдаленных областей, проложены дороги в Сеговию, Толедо и Валенсию.

В XVIII веке, во время правления Карла III, в городе уже возникли такие значительные улицы, как Пасео-дель-Прадо и Пасео-лас-Акасиас. И вот теперь на окраине этого роскошного города поселился Пабло.

Прожив несколько месяцев в ветхом общежитии для мальчиков, юноша обнаружил, что обучение в мадридской Королевской академии не оправдывает его ожиданий. Там ничто не соответствовало его устремлениям. В конце концов, он стал прогуливать занятия и проводить много времени на улицах. Пабло писал сцены из реальной жизни, вдохновляясь тем, что видел в кафе, парках, а случалось, и в борделях. Но больше всего времени он проводил в музее Прадо, где с пристальным вниманием изучал работы великих испанских живописцев.

В то время он писал родителям: «Музей картин Прадо прекрасен. Веласкес – лучше всех; у Эль Греко есть великолепные головы, работы же Мурильо неубедительны».

Неудивительно, что Прадо произвел глубокое впечатление на молодого художника. Сначала этот музей назывался Пасео-дель-Прадо. Он был основан в 1785 году королем Карлом III Великим. Предполагалось, что это будет музей естествознания. Именно таков был замысел короля, который с этой целью присоединил к элегантному Пасео-дель-Прадо ботанические сады, и тогда весь комплекс превратился в просветительский центр.

К 1819 году, когда строительство музея было завершено, его первоначальное назначение изменилось. В нем начали выставлять полотна из собраний испанских королей: первыми сделали свой

вклад в коллекцию живописи Фердинанд и Изабелла. В 1891 году началась реконструкция музея, которая продлилась несколько лет. Теперь Прадо состоит из массивного старого крыла и нового здания, созданного по проекту Рафаэля Монео, которое было построено вокруг остатков монастыря Сан-Херонимо-эль-Реаль. В наши дни в музее представлено множество картин великих мастеров.

Бесценными сокровищами Прадо были произведения трех великих испанских живописцев – Гойи, Веласкеса и Эль Греко. Эти художники сильнее других интересовали и вдохновляли Пабло. Также в музее выставлялись шедевры фламандских, голландских, немецких, французских и итальянских художников. Их работы попали в коллекцию в то время, когда страны, подарившие миру этих живописцев, все еще были частью Испанской империи.

Прадо обрел статус величайшего музея Испании вследствие антиклирикальных законов 1836 года. Монастыри и церкви потеряли право на владение многими произведениями искусства, которые теперь можно было представить широкой публике.

Пабло вошел в большой вестибюль Прадо, расположенный напротив отеля «Ритц». Он задержался в первых залах, посвященных фламандским живописцам XVII века, в том числе Питеру Паулю Рубенсу, Якобу Иордансу и Антониусу ван Дейку. Юный художник никогда прежде не видел их работ – драгоценные полотна зачаровали его. Ему казалось непостижимым, что простые смертные могли создать такие шедевры.

В следующем зале Пабло обратил внимание на прекрасные

работы Веласкеса, на множество написанных им портретов королевских особ. Сильнее всего юношу взволновала великолепная картина «Пряхи», в которой проявился великий талант художника в изображении света и тени. Но еще более выдающимся Пабло считал самое знаменитое полотно Веласкеса – «Менины», восхищаясь тем, как автопортрет художника за работой и отражение в зеркале короля и королевы перекликаются друг с другом в революционном взаимодействии пространства и перспектив. Впечатление от этой работы долгое время не оставляло Пабло, и он написал множество копий с этой картины, но в своей собственной, уникальной манере.

Юноша затаив дыхание ступал по музейным залам. Здесь он чувствовал себя как в храме, со стен которого льют на него свой величественный свет священные образы искусства. Наконец он подошел к зловещим и мрачным полотнам Гойи, чья живопись поражала невероятными перепадами настроений – от пасторального до ужасающего. Среди ранних шедевров придворного художника были портреты королевской семьи. Пабло сразу отметил, что Гойя не пытался польстить высочайшим особам: на картине «Семья короля Карла IV» это видно особенно отчетливо. Глядя на этот парадный портрет, юноша чувствовал отвращение, испытываемое художником к своим моделям – самодовольным реакционным деспотам. Но, с другой стороны, там же были представлены знаменитые парные полотна мастера – «Маха одетая» и «Маха обнаженная», где изображена герцогиня Альба, явно вызывавшая у него восхищение.

Пабло изучал работы Гойи в Барселоне, и ему была хорошо известна их политическая направленность, связанная с событиями 1808 года, когда народ Мадрида поднялся против оккупации страны французскими войсками. Молодому художнику были знакомы и картина Гойи «Восстание на Пуэрто-дель-Соль 2 мая 1808 года», и еще более страшная работа «Расстрел мадридских повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года».

Разглядывая эту картину, Пабло мгновенно постиг способ, которым Гойя достигал ослепительных световых эффектов, выдвигающих на первый план драматическое событие, а не детали. За счет этого приема жестокость была представлена на картине так ярко и безжалостно, как никогда прежде.

Пабло шел дальше и видел «Мрачные картины» Гойи, полные гротеска и тревоги. В этих работах, выполненных мастером в поздний период, отразились и его страдания, связанные с потерей слуха, и его отвращение к кровавой войне за независимость испанских колоний.

Пабло не мог не сочувствовать Гойе. Ему было жаль великого

художника, к концу жизни лишившегося слуха и оставшегося наедине со своим отчаянием. Все это он явственно почувствовал при взгляде на жуткую картину Гойи «Сатурн, пожирающий своего сына», отчетливо передающую душевный настрой художника: депрессию, вызванную реалиями бытия, старостью и печальными событиями современности.

После знакомства с работами Гойи безмерно подавленный Пабло спустился на первый этаж, где обнаружил зал с картинами фламандских мастеров XV и XVI веков. Среди них был выставлен причудливый протосюрреалистический шедевр Иеронима Босха «Сад земных наслаждений». Правда, после ужасных образов Гойи Пабло на время утерять аппетит к деталям, и поспешил в следующий зал, полный одухотворенных работ художника XIV века Эль Греко – грека, который жил и работал в Толедо.

Пабло был зачарован работами Эль Греко, его мистическими персонажами и удлинненными формами. Манера, в которой художник писал свои картины, поражала публику, привыкшую к строгой репрезентативности образов. На стенах Прадо были представлены два величайших полотна Эль Греко – «Воскресение» и «Поклонение пастухов». Эти картины, в которых своеобразие стиля художника отразилось особенно ярко, тронули Пабло до глубины души.

Картины Эль Греко, Гойи и других живописцев продолжали действовать на воображение Пабло на протяжении всей его жизни, и он постоянно использовал эти произведения, вводя их элементы в собственные работы. Он регулярно посещал Прадо и там копировал картины, делал с них наброски. Особенно часто он обращался к «Портрету матадора Пепе Илло» и офорту Гойи из серии «Капричос» под названием «Он хорошо натянут» с изображением Селестины, глядящей на чулки молодой чувственной махи.

Пабло напряженно работал, но весной 1898 года почувствовал, что заболел: зима была суровой, и он все время мерз в нетопленном Прадо. Молодой художник отправился поправлять здоровье в каталонскую деревню Хорта-де-Эбро.

Когда в начале 1899 года Пабло вернулся в Барселону, он ощутил, что, хлебнув лишений, наконец стал настоящим живописцем. Живя в одиночестве в деревне, он научился рассчитывать только на себя самого, спать на открытом воздухе, питаться чем попало. Там он выучил каталонский язык и стал довольно бегло на нем говорить.

Спустя два месяца, строго следуя своим принципам, Пабло решил покончить со школой. Он противился планам отца, который хотел по-прежнему наблюдать за его обучением. Хосе,

узнав о решении Пабло, разозлился. Он не скрывал своего отношения к поведению сына, но тот был непреклонен. Открыто отклоняя отцовское давление, Пабло стал использовать фамилию матери – Пикассо. Некоторые работы того времени он подписывал «П. Р. Пикассо», а к концу 1901 года совершенно отказался от имени отца.

Глава 5

Снова в Барселоне

1899 год

Пабло вернулся в Барселону – к тесному кругу друзей и знакомых, презирующих академию. Большинство этих людей были каталонскими художниками и писателями, которые постоянно обсуждали то, как развивается искусство в Париже. Все они регулярно встречались в таверне «Четыре кот», стилизованной под знаменитое парижское кафе «Черный кот». Именно в этом оживленном и всеми любимом месте в феврале 1900 года, на сломе веков, Пабло устроил свою первую выставку.

Там были представлены работы в различных техниках, в основном небольшие, по содержанию – очень личные: главным образом портреты знакомых. Одна особенно мрачная картина маслом называлась «Последние мгновения»: на ней был изображен священник у постели умирающей женщины. Эту работу затем включили в экспозицию испанской секции на Всемирной выставке 1900 года в Париже.

Молодого художника, разумеется, не могла оставить равнодушным ночная жизнь Барселоны, где вдоль улиц ярко горели газовые лампы и по оживленным бульварам ездили красивые кареты, запряженные лошадьми. Повсюду прохаживались толпы веселых людей, одетых по последней викторианской моде; на каждом углу их зазывали в кафе и закусочные. Пабло видел там и дешевых шлюх, ищущих клиентов по барам и аллеям, и элегантно одетых дам, которые, прогуливаясь с мужьями, с недовольными минами тащили их прочь, чтобы те не смотрели на девок.

Вдоль узких тротуаров располагались милые кафе, на столиках горели свечи; на фасадах домов мерцали витрины магазинов, светились окна, уютно угнездившиеся над сутолокой и суматохой ночного города.

На порог одного маленького кафе, где часто бывал Пабло, вышел толстяк-бармен тридцати с чем-то лет с сильно отросшими черными сальными волосами и длинными усами, в фартуке, который топорщился на его толстом брюхе. Он с руганью толкнул дверь и вышвырнул на мокрую булыжную мостовую старого пьяницу. Тот упал в грязь лицом и стал выкрикивать ругательства, а бармен, подкрутив усы и задрав нос, вернулся в

зал.

Тускло освещенное помещение наполняли шум, дым и смрад. Вдоль длинной барной стойки теснились около двадцати столиков, за которыми плечом к плечу сидели мужчины и женщины. Они болтали о том о сем, шумно спорили, пили и смеялись.

В полумраке кафе подвыпивший посетитель позволил лишнее по отношению к уставшей некрасивой рыжей официантке средних лет с сильно накрашенным лицом. Когда она проходила мимо столика, он ущипнул ее ниже спины. Резко развернувшись, рыжая бросила в наглеца поднос с напитками. Парню не повезло: бармен, который все это видел, вышел из-за стойки, схватил наглеца за штаны и вышвырнул за дверь.

Все это время Пабло сидел тихонько в углу и посмеивался, предпочитая держаться подальше от этой суеты. Он делал наброски. Его широко раскрытые глаза, ничего не пропуская, схватывали все, что происходило вокруг. Он начал рисовать мужчину и женщину, которые сидели напротив, за соседним столиком. Мужчина в шляпе, какие носят трубочисты, курил кальян. Женщина куталась в красную шаль, накинутую поверх пышного розового платья. Пара была увлечена беседой, и ни мужчина, ни женщина не замечали, что их рисуют.

Другая официантка, убирая разбитые стаканы, увидела, чем занят Пабло, и бросила на него злобный взгляд.

– Ах ты, бездельник, – вскипела она, – Шел бы работать! Ты уже задолжал мне семь песо. Или плати за все, что ты выпил, или не притаскивайся больше сюда!

Пабло, не обращая на эти слова никакого внимания, не сводил глаз с альбома и продолжал работать.

– Отцепись, старая. Не мешай мне!

Официантка топнула ногой, отставила в сторону швабру и уперлась руками в бока.

– Да как ты смеешь так разговаривать со мной!? Уж я поговорю с твоим отцом! Слышишь, ты, сосунок!

Пабло не смотрел на нее, он не сводил глаз с линии, которую вел углем по листу бумаги.

– Я же сказал тебе, что заплачу, когда продам картину! А теперь убирайся. Оставь меня в покое, глупая баба!

Официантка возмущенно сверкнула глазами, схватила стакан и швырнула его в Пабло, но тот ловко увернулся: заслонившись альбомом, как щитом, он отразил им удар, и стакан разбился о стену.

– Я же сказал: оставь меня! – взревел Пабло.

В немой злобе официантка вернулась к мытью пола.

Пабло поднялся, намереваясь уйти, но тут на пороге появился смуглый небритый юноша. Это был старый школьный товарищ, давнишний друг Пабло, девятнадцатилетний Карлос Касагемас.

Стремительный самоуверенный молодой человек вошел в кафе, волоча за собой, будто на буксире, двух плохо одетых брюнеток – неказистых девиц явно постарше себя. Казалось, они совершенно им очарованы. Карлос увидел Пабло и, оставив своих дам, подошел к другу.

– У меня на сегодняшнюю ночь есть маленькое угощение! – сказал он, кивнув в сторону девиц.

Пабло покосился на них неодобрительно.

– Где ты нашел таких страшил?

Подмигнув приятелю, он продолжил укладывать свои вещи.

– Ха-ха! Помнится, ты еще никогда от таких не отказывался. Одно могу сказать – эти сестры горячи, как цыганское пламя Кадиса!

Пабло покачал головой и засмеялся, понимая, что друг совершенно неисправим.

Одна из девиц, та, что была в длинной красной цыганской юбке, вскочила на стол. Бармен кинул ей кастаньеты, и у ног ее понемногу стала собираться толпа. Какой-то старик взял гитару, и девушка медленно начала щелкать кастаньетами и притоптывать ногой в такт музыке – сперва очень медленно, но весьма соблазнительно, как всегда делают танцовщицы фламенко.

Карлос опустил руку на широкое плечо Пабло, и друзья загляделись на плясуню.

– Водишь, друг: говорил я тебе! – Карлос весь сиял от удовольствия. – Она танцует, как само пламя, и может разбудить дьявола в любом мужчине!

Пабло, не отрываясь, следил за танцовщицей.

– Я ничего подобного здесь не встречал. Хорошенькие ножки.

– Она цыганка из Страны басков, а ведь и не подумаешь. Заработала много денег, выступая на севере.

– На севере?

– Я тебе уже рассказывал, *estúpido* [4] , —в Париже! Там люди сами вершат свою судьбу – писатели, танцоры, поэты, художники. Они зарабатывают *mucho dinero* [5]!

– Там? Хорошие деньги?

– Еще бы! Вспомни Писсарро, Дега, Сезанна. Они теперь богаты и знамениты.

Когда танец достиг кульминации, один из завсегдатаев кафе, охваченный страстью, вскочил на стол и стал срывать с девушки платье. Он был основательно пьян и был похож на сильного дикого зверя. На ее защиту выступил всегда готовый к бою бармен. Он что-то крикнул мужлану, но, получив от того сокрушительный удар в челюсть, повалился на пол.

– Похоже, дамы попали в беду, – пробормотал Пабло.

– Ой, только уж ты-то не задирайся. Посмотри, какой он верзила, – предупредил Карлос. – Нам не нужно в это ввязываться.

– Почему нет?

– Не вздумай...

На стол вспрыгнул какой-то тощий испанец, он хотел помочь девушке, но тоже получил удар в лицо и свалился на барную стойку. Испуганная толпа попятилась, а хулиган продолжал разрывать платье танцовщицы. Он вожделенно скалил рот с желтыми гнилыми зубами и таращился бессмысленным, безумным взглядом налитых кровью глаз.

Пабло отвел от себя руку Карлоса, размял плечи и двинулся вперед, на помощь несчастной танцовщице. Оглядевшись вокруг, он сорвал со стола красную скатерть, отчего стоявшие на ней стаканы разлетелись в разные стороны. Карлос, кусая губы, взволнованно следил, как его друг, будто случайно, подошел со спины к здоровяку и хлопнул его по плечу. Тот обернулся и удивленно уставился на Пабло. – Чего тебе, щенок? – выдавил громила, пытаясь сообразить, что к чему.

Он качнулся навстречу Пабло, но тот быстро отступил на шаг.

Молодой человек усмехался и помахивал перед носом верзилы красной скатертью, как матадор, который своей мулетой

дразнит взбешенного быка.

– Ага, схлопотать хочешь? Ах, ты... Да я тебе шею сверну!

Детина рычал и пытался обхватить юнца поперек туловища, но тщетно. Пабло вел разъяренного пьянчугу за собой, огибая столы и стулья. В конце концов, тот споткнулся, полетел вперед и, врезавшись в мраморную барную стойку, сильно ударился головой, повалился на пол и застыл.

Раздались аплодисменты и одобрителные возгласы: зрители вздохнули с облегчением. Публика свистела и выкрикивала слова одобрения. Карлос поздравлял своего храброго друга, похлопывая его по спине.

– Хорошая работа, *amigo* [6], – но теперь-то нам точно придется уехать на север.

– Это почему же? – спросил, отряхиваясь, Пабло.

– Потому что если его приятели найдут тебя, ты не доживешь до следующего дня рождения. Ха-ха-ха!

Глава 6

Мечты об успехе

В окно комнаты, оборудованной под скромную студию, пробивался ясный свет раннего нежного утра. В углу стоял мольберт, на голых стенах висели рисунки и наброски Пабло. На столе валялись тюбики с краской и кисти.

Посреди комнаты на полу лежал огромный продавленный матрас. На нем виднелись очертания человеческих тел, которые шевелились и ворочались под истертым рваным одеялом.

Из-под одеяла высунулась голова Карлоса. Протирая заспанные глаза, он посмотрел на лежащие рядом, на том же матрасе, тела и победно улыбнулся.

Касагемас голышом встал с ложа и потянул одеяло, открыв тоже не обремененного одеждой приятеля, обнимавшего обнаженных цыганок. Пабло заслонил ладонью глаза от яркого света и снова натянул на себя одеяло.

– Эй, разве с друзьями так обращаются? – проворчал он.

– Время вставать, лежебоки, – сказал Карлос. – Одиннадцать часов, до смерти хочется есть.

– Ладно-ладно, встаю, – пробормотал Пабло, поднялся с матраса и натянул на себя белую рубашу и широкие деревенские штаны, которые подвязал веревкой. Потом он подошел к столу, стоявшему в углу, зажег газовую горелку и стал варить кофе.

Достав из шкафчика сыр, хлеб и нож, он протянул все это Карлосу и только тогда заметил, что его друг совершенно голый.

– Прикрылся бы, что ли – сказал Пабло. – Вряд ли ты хочешь, чтобы нож соскользнул и покончил с твоей половой жизнью, а?

Карлос засмеялся и обернул бедра полотенцем.

– Эй, Пабло! Вчера вечером ты был великолепен. Истинная поэзия в движениях, художник-герой и, могу добавить, необузданный любовник.

Пабло бросил на него косой взгляд.

– Заткнулся бы ты...

Карлос усмехнулся, пожал плечами и вдруг заметил один из набросков, пришпиленных к стене.

– Эй, что это? Маэстро в поисках жанра?

– Не твое дело...

– Ну-ну, не кипятись! Мы же приятели, а?

– Это зависит от твоего поведения. Так что перестань подлизываться.

– Пабло, не сердись, – взмолился Карлос, похлопав приятеля

по плечу. – Я же шучу... Ну – мир?

– Ладно, мир. Нарезь, в конце концов, этот проклятый хлеб.

Карлос протянул Пабло кусок черствого хлеба и немного его любимой каталонской *butifarra* [7].

Пабло взял этот нехитрый завтрак и принялся жевать. По глазам его можно было понять, что он уже думает о работе. И действительно, он подошел к мольберту.

Карлос заварил себе крепкого чая с молоком и сахаром и, взяв какой-то кусок бумаги, начал рисовать пастелью.

– Вот что я скажу тебе, Пабло. Если мы, как художники, хотим добиться успеха, то нам нужно развивать свой уникальный стиль, который критики признают именно как наш собственный.

– Ага, как Ван Гог, – с горечью сказал Пабло. – Никто не признавал его стиля до тех пор, пока он не сдох. Индивидуальность манеры со временем обязательно возникнет. Только это не то, о чем нужно сознательно заботиться.

– Ясно... Ну что ж, по-моему, только поездка в Париж прочистит твои мозги. Тебе нужны стимулы – видеть других художников, отпустить на волю свой разум. Недаром Париж называют Городом Света.

Пабло оглянулся через плечо на Карлоса.

– И как, ты считаешь, мы в нашем положении доберемся туда?

Карлос перестал рисовать и отложил пастель.

– Нам помогут наши отцы. Они дадут нам денег, если мы скажем, что едем в Париж продолжать обучение.

Пабло налил себе чаю, сел рядом с Карлосом за маленький стол и, задумавшись, стал разглядывать истрепанную карту Европы, приколотую к стене рядом с наброском портрета его матери. Он увидел, как в окно пробился яркий солнечный свет, как нежный ветерок потрепал занавески. Снова посмотрел на карту – солнечные лучи плескались в области Франции и Испании: это было похоже на знамение.

– Город Света, говоришь? – переспросил Пабло. – А почему бы и нет?

Глава 7

Город Света

1900 год

Пабло старался узнать все, что только мог, о Париже. Он выяснил, что когда-то давным-давно это была всего лишь маленькая деревня на острове Сите, или «Городском Острове», который образовался в месте слияния двух рукавов Сены. Париж стал расти, постепенно вбирая в себя окружающие деревни, и в конце концов в век Просвещения обрел прозвание «Город Света». Его поделили на *arrondissements*– округа, которые были пронумерованы, с первого по двадцатый: первый, разумеется, располагался в центре, а другие – шли по часовой стрелке, образуя спираль.

Парижане, как узнал Пабло, понимали, что прозвание «Город Света» связано вовсе не с ярким освещением: это была скорее метафора, возникшая в связи с его политической, духовной, культурной и интеллектуальной энергией. Людовик XIV, деспот, известный как «король-солнце», не желал оставаться в Париже, переполненном людьми. Он перенес все строительство в Версаль и создал там новый дворец.

После царствования Людовика XIV наступил век Просвещения. В Париже была благодатная почва для развития философских и общественно-политических щей, популярных в то время: эмпиризма, скептицизма, толерантности и социальной ответственности. Вольтер, Дидро, Жан-Жак Руссо и их последователи были *les lumières* —просветителями.

Из нескольких работ о Французской революции Пабло узнал, что в XIX столетии историк Жюль Мишле, вероятно, первым назвал Париж «*la Lumière du Monde*» —«Свет Земли», объявив его, таким образом, новым маяком гуманизма. При жизни Мишле Париж сильно изменился, а его население увеличилось более чем в два раза. Ко второй половине XIX столетия, начиная с 1852 года, со времен Второй империи, Париж стал самым современным, самым любимым городом Европы и как раз таким местом, где Пабло больше всего хотелось бы жить. Местом, вдохновляющим на перемены.

Порой у Пабло возникало такое чувство, что Париж для него – идеальный город, гостеприимная Утопия, задуманная Наполеоном III и созданная его префектом бароном Османом,

хотя беспорядочная планировка была очень далека от совершенства. В книге под названием «Цветы зла», которую читал Пабло, Шарль Бодлер показал, что «османизация» несет городу смерть и муки. Вот как он говорит об этом в стихотворении «Лебедь»: «Где старый мой Париж!.. Трудней забыть бывшее, чем внешность города пересоздать! Увы!..» [8]

План города, предложенный Османом, был идеален для поборников порядка и единообразия, верящих в гигиенические свойства свежего воздуха и солнечного света. По повелению Наполеона III Осман меньше чем за двадцать лет снес двадцать пять тысяч старинных зданий. Там, где когда-то сплетались средневековые переулки, выросли широкие, будто простреленные из пушки, бульвары и проспекты с одинаковыми фасадами домов.

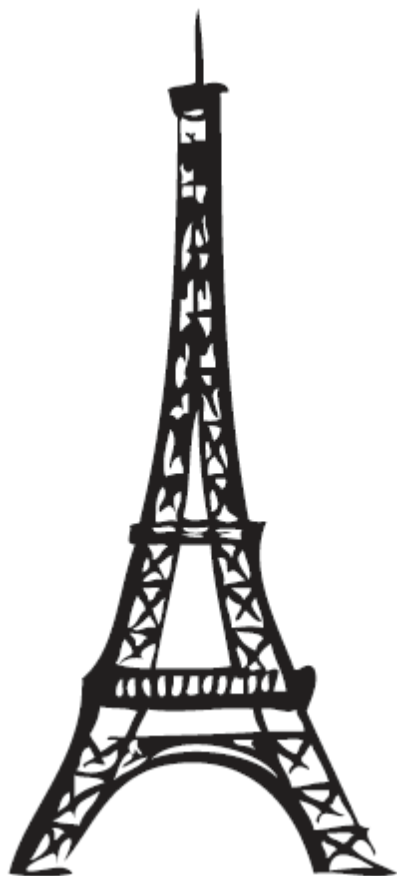
Импрессионисты и фотографы, запечатлевшие этот переделанный мир, были, за малым исключением, очарованы оригинальными очертаниями города и, казалось, бесконечными перспективами его улиц. Для них важно было по-новому запечатлеть световые эффекты, трактовать их не только физически, но и духовно. Это был тот свет, что пробивался сквозь листву деревьев, высаженных на новых бульварах. Это также был струящийся в окна новых зданий свет сотен газовых ламп, установленных в 1860-е годы на тротуарах этих бульваров. Лампы загорались вокруг стенных часов в новых кафе, в театрах, на остановках общественного транспорта. Свет был символом просвещенного мировосприятия жителей этого щегольского нового города.

В конце XIX столетия в Париже проходили Всемирные выставки. Выставка 1889 года совпала со столетием Французской революции и строительством Эйфелевой башни, в то время казавшейся провозвестником новой эры технического прогресса. Научные достижения были поддержаны расцветом искусства периода *Belle Epoque* [9].

В 1889 году, в день открытия Эйфелевой башни, для того чтобы наблюдать за этим событием, собрались представители всех классов и профессий. Изумленная, будто прикованная к месту толпа восхищалась видом самой высокой конструкции в мире, которую освещали десять тысяч газовых ламп, в то время как фейерверки и ослепительная иллюминация привлекали взгляды зрителей к разным уровням башни.

Но новая башня была по вкусу не всем. Не всем нравился этот яркий блеск, высвечивающий те ценности, что воплотились в ней. Пабло заметил, что многие карикатуры того времени изображали, как прохожие, ослепленные новой парижской современностью, по

вечерам заслоняют от света глаза. Молодой испанец рассмеялся, увидев подпись к карикатуре, в которой говорилось, что отныне людям для вечерней прогулки нужны собаки-поводыри.

В 1874 году, еще до того, как Пабло приехал в Париж, он услышал о новой группе художников, называвшейся «Анонимным обществом живописцев, художников и граверов», которые устраивали в Париже выставки, чтобы заявить о новом течении под названием «импрессионизм». Среди основателей этого течения были Клод Моне, Эдгар Дега и Камиль Писсарро.

Группу объединяло стремление к независимости от авторитетного ежегодного Парижского салона, жюри которого состояло из изнеженных представителей Академии изящных искусств. Именно это жюри отбирало работы для экспозиции, а затем награждало лучших авторов медалями.

Пабло огорчало, что независимые художники, несмотря на их разный подход к живописи, создав новое направление, которое уже заняло свое законное место в искусстве, сами уподобились

участникам Парижского салона. Впрочем, консервативные критики по-прежнему подвергали работы этих мастеров осуждению, считая их незаконченными или даже называя набросками. С другой стороны, прогрессивные журналисты превозносили картины «независимых» за реалистическое изображение современной жизни.

Парижский писатель Эдмон Дюранти в своей брошюре 1876 года *La Nouvelle Peinture* («Новая живопись») рассказал о том, как эти художники интерпретируют современные темы, и назвал их подход «принципиально новым», а их стиль – «революционным».

Пабло находил весьма странным то, что эта новая группа, выставляясь, никак себя не называла: ведь название пояснило бы, какой именно принцип объединяет движение или школу. Впрочем, впоследствии некоторые из этих художников приняли название, под которым и стали известны, – импрессионисты. Однако вскоре Пабло понял, что, ниспровергая каноны, их работы включают в сферу искусства новые технологии и идеи, изображают современную жизнь.

Пабло много думал о работе Клода Моне «Впечатление. Восход солнца», которая была выставлена в 1874 году и в конечном счете дала название движению импрессионистов, после того как критик Луи Леруа обвинил Моне в том, что его работа – всего лишь набросок, или *impression* —«впечатление», незаконченная картина. Между тем, она демонстрировала многие технические приемы, которыми пользовались «независимые»: короткий прерывистый мазок, лишь слегка намечающий форму; чистые цвета и особое внимание к эффектам освещения. Это было очень важно для Пабло. Он отмечал, что импрессионисты вместо того, чтобы применять нейтральные белый, серый и черный, активизировали эффекты тени и света колористически, а благодаря свободной манере письма создавалось впечатление спонтанности, за которым скрывалась тщательно продуманная композиция. Яркий пример тому – картина Альфреда Сислея 1882 года «Ореховые деревья перед заходом солнца», где мнимая небрежность манеры получила широкое признание даже со стороны официального салона как новый способ изображения современной жизни.

Пабло сразу же потянуло к этим новым художникам-революционерам. Ярыге краски импрессионистских холстов вместе с радикально новой техникой этих художников производили поразительное впечатление на людей, привыкших к умеренному колориту академической живописи. Многие из «независимых», вопреки традиции, решили не покрывать свои

работы толстым слоем лака, чтобы они казались более живыми. В то время получило развитие производство синтетических пигментов, и новые краски создавали вибрирующие оттенки синего, зеленого и желтого, каких прежде достичь было невозможно.

В картине Эдуарда Мане 1874 года «Гребля» Пабло отметил широкое применение железной лазури и искусственного ультрамарина для создания композиции, явно вдохновленной японским искусством. Щеголь-гребец в канотье и его дама были чрезвычайно современны – и по форме, и по содержанию. Чтобы их написать, художник использовал новейшие материалы.

Картины с изображением пригородов и сельского досуга, отдыха на природе, за пределами Парижа, одинаково занимали и Пабло, и импрессионистов, особенно Моне и Пьера-Огюста Ренуара.

Многие импрессионисты круглый год или большую его часть проводили в деревне. Новые железнодорожные линии расходились от Парижа по радиусам, и выезжать по выходным стало так удобно, что парижане буквально наводняли пригороды. В то время как некоторые импрессионисты, такие как Писсарро, в своей работе сосредоточились на каждодневной жизни сельских жителей Понту аза, большинство художников предпочитали изображать досуг горожан, отдыхающих на лоне природы.

Любимыми темами картин стали гребля и посещение купален, которых в пригородах в то время появилось много. На картине Моне «Лягушатник» свободная манера письма, особенно свойственная этому мастеру, прекрасно подходит для изображения атмосферы досуга и неги.

В это время пейзажи, к которым часто обращались импрессионисты, привлекали внимание публики не меньше, чем их нововведения в области композиции, использование световых эффектов, обращение с цветом. Пабло высоко ценил особое отношение к пейзажу, свойственное Моне, который включал в свои композиции железные дороги и фабрики, символизирующие вторжение индустриального мира. Художники Барбизонской школы такого бы не допустили.

Других импрессионистов, таких как Писсарро и Гюстав Кайботт, больше занимало обновление города. Эта тематика требовала разработки новых методов изображения широких бульваров, общественных садов и больших зданий. Одни художники сосредотачивались на городских пейзажах, другие обращали свой взгляд на горожан.

Резкое увеличение численности населения Парижа после Франко-прусской войны многое обещало новым, подающим надежды художникам – импрессионистам, а позднее и Пабло. Появилось невероятное количество нового материала для изображения сцен городской жизни. Типичным для этих сцен было смешение социальных слоев – характерный процесс в общественной жизни того времени. Дега и Кайботт сосредотачивались на трудовых людях, включая певцов, танцоров, рабочих. Другие художники, например, Берта Моризо и Мэри Кассат, писали представителей привилегированных классов.

В своих работах импрессионисты изображали и новые формы досуга, в том числе театральные развлечения, вспомнить хотя бы картину Кассат 1878 года «Женщина в ложе». Запечатлевали они и сцены в кафе, на публичных концертах, на танцах. Приближаясь к писателям-натуралистам, таким как Эмиль Золя, живописцы фиксировали эпизоды городской жизни – мимолетные, но типичные, подсмотренные ими в реальности. Картины Кайботта 1877 года «Парижская улица. Дождь» и «Дождливый день в Батиньольском квартале» служат примером того, как художники отказывались от сентиментальности и нарочитой повествовательности, заменяя их беспристрастным, объективным взглядом на сиюминутную действительность.

Между 1874 и 1886 годами были организованы восемь выставок, и за это время состав независимой группы импрессионистов претерпел изменения. Изменилось и число художников, участвующих в выставках: с девяти оно возросло до тридцати.

Самый старший из них, Писсарро, был единственным, кто принимал участие во всех восьми выставках; Моризо – в семи.

Идея независимых выставок обсуждалась еще в 1876 году, но тогда в дело вмешалась Франко-прусская война. Художник Фредерик Базиль, самый активный сторонник нового салона, погиб на фронте, так что последующие выставки проходили под управлением разных художников.

Пабло очень встревожили обнаруженные им принципиальные различия в философских и политических взглядах импрессионистов – различия, которые приводили к горячим диспутам, а порой становились причиной временных разладов и даже расколов внутри группы. Однако в выставках «независимых» участвовали и более консервативные художники, которые не желали, чтобы их работы оценивало жюри Парижского салона. Здесь выставляли свои работы и Сезанн, и Гоген, чьи поздние произведения явно вышли за рамки импрессионизма.

Выставка 1886 года, последняя из независимых, увидела начало новой эпохи изобразительного искусства – авангардной живописи. К этому времени только немногие из постоянных участников этих выставок работали в узнаваемой импрессионистской манере: большинство старых членов развили новый индивидуальный стиль, и союз бывших единомышленников разрушался.

Писсарро всеми силами поддерживал Жоржа Сера и Поля Синьяка; благодаря их технике, в основе которой лежала «точечная» живопись чистыми цветами, эти художники стали известны как «неоимпрессионисты». Молодой Гоген проявил интерес к примитивизму. Представил свои работы и начинающий символист Одилон Редон, чья манера была совершенно не похожа на стиль других участников выставок. Из-за философских и стилистических разногласий, а также из-за необходимости зарабатывать, некоторые художники, составлявшие ядро группы, такие как Моне и Ренуар, стали выставляться всюду, где картины было легче продать.

Пабло любил деньги и все понимал, но при таком разнообразии стилей и манер было очень сложно постичь, что представляет собой импрессионизм как движение. Жизнь импрессионизма казалась ему мимолетной, как световые эффекты, которые стремились уловить связанные с ним мастера. И даже при этом Пабло сознавал, что импрессионизм сыграл свою роль в истории, поскольку получил продолжение. Широкий охват явлений современности сделал это течение трамплином для последующих открытий европейского авангарда.

Всемирная выставка весьма интересовала Пабло – если он хотел добиться успеха, то должен был непременно принять в ней участие. Всемирная выставка 1900 года в Париже продолжила

долгую традицию, которая сохранялась в Европе и Америке с середины XIX века и до Первой мировой войны. Выставка этого года оказала огромное влияние на развитие изобразительного искусства.

К тому времени, когда Карлос и Пабло отправились в свое авантюрное путешествие, последний уже жадно читал, буквально впитывая сведения, о городе, который должен был стать его новым домом. Искусство там не просто жило, но поистине процветало. Пабло ничего не боялся, будущее его не пугало – наоборот, он с наслаждением ждал грядущих испытаний и предчувствовал, что оставит в Париже свой след. В этом молодой художник даже не сомневался.

Глава 8

Поездка в Париж

Была сырая дождливая ночь поздней весны 1900 года. Пабло и Карлос уезжали в Париж. Родители снабдили молодых людей небольшой суммой денег, и те купили самые дешевые билеты в вагон третьего класса. Пабло и Карлос были еще, в сущности, всего лишь неотесанными провинциальными мечтателями. В вагоне, сложив под окном мольберты, холсты и багаж, выпив дешевого вина с нехитрой закуской и заслонив одним из холстов окно, чтобы уберечься от яркого света утреннего солнца, они уснули, развалившись на двух сиденьях.

Вскоре их сон был прерван: французский кондуктор с громким стуком распахнул дверь купе. Бедняга уже и раньше был чем-то рассержен, но когда ворвался в купе и увидел на полу пустые бутылки и мусор, его передернуло от тяжелого запаха объедков, вина и несвежих тел пассажиров.

Кондуктор отдернул большой холст, заслонявший свет из окна, и стал расталкивать Пабло и Карлоса, пытаясь пробудить их от похмельного сна.

– *Si, si...* [10] В чем дело? – выдавил Пабло, глянув на кондуктора заспанными глазами и пытаясь прийти в себя.

– *Vous des debiles que vous pensez-vous faites-vous?* [11] – вскричал в ярости кондуктор.

Карлос открыл глаза. От грозного тона кондуктора он растерялся и, еще как следует не проснувшись, покосился на Пабло.

– Ну, и чего ему надо?

– Ты меня спрашиваешь? – вопросом на вопрос ответил Пабло. – Мы кое о чем забыли. Как нам тут выжить, если мы ни черта не понимаем по-французски?!

– Значит, должны научиться! – сказал Карлос и рассмеялся.

Но взбешенный кондуктор не шутил. Он продолжал что-то кричать на своем языке и смотрел на пассажиров так, будто перед ним два идиота.

– *Gare de Lyon, imbéciles! DEPART, DEPART!* [12]

– Я думаю, он пытается сказать, что мы приехали, – перевел Пабло.

– Видишь, мы уже учимся! – засмеялся Карлос.

Кондуктор потерял терпение. Отчаянно жестикулируя и продолжая поносить молодых пассажиров, он вышел прочь, а путешественники тем временем стали быстро, спотыкаясь о

бутылки и мусор, собирать свою поклажу, чтобы скорее покинуть вагон.

Огромный стеклянный купол Лионского вокзала на металлических фермах, достроенного только что, к Всемирной выставке, произвел на молодых людей сильнейшее впечатление. В здании вокзала царило бесконечное движение, толпа гудела, люди сновали туда-сюда, а у перронов стояло несколько великолепных поездов со спальными вагонами, из труб которых вырывались клубы пара. Поезда эти то ли только что пришли, то ли собирались отправиться в путь, а люди всё суетились: кто торопился встретить кого-то, кто выгружал из вагонов вещи...

Поезд из Барселоны прибыл на пятый путь, на вагоне было написано: «Барселона – Париж: Испанский экспресс». Когда поезд, останавливаясь, заскрежетал, растерянные и оглушенные впечатлениями Пабло и Карлос с благоговением высунулись в окно.

Они спустились по металлическим ступеням, поставили на пол свои коричневые кожаные сумки и стали разглядывать громадное здание вокзала.

– У них тут все такое большое... – пробормотал Пабло.

– Да ты же еще ничего не видел...

Бойкий маленький носильщик в красной шапке проходил мимо, толкая перед собой дребезжащую деревянную тележку. Он посмотрел на сумки молодых испанцев, что-то сказал по-французски, но гости только растерянно переглянулись. Равнодушный носильщик задрал нос и пошел своей дорогой вдоль перрона.

– Мне кажется, он хотел нам помочь, – сказал Карлос.

– Да уж точно, за денешки. Так, и что же нам теперь делать? – спросил Пабло, вскидывая сумку на плечо. К счастью, в этот момент Карлос заметил, что в их сторону идут несколько человек и машут им руками.

– Стой-ка! Похоже, мы спасены, – сказал Карлос. – Вроде как я вижу кое-кого.

Подошедшие люди имели, что называется, средиземноморскую внешность и были элегантно одеты, в особенности видный мужчина, который казался в этой компании главным. То был дон Луис Коста, господин лет шестидесяти с небольшим, привлекательный, энергичный, с длинными тонкими усами, в черном плаще и мягкой серой шляпе с черным пером. В правой руке он вертел трость с серебряным набалдашником. Дона Луиса сопровождали двое мужчин и две красивые женщины, одетые по последней парижской моде. Дон Луис уже многие годы занимался недвижимостью, играл на фондовой бирже и имел

очень приличный доход.

– Дон Луис, неужели это и правда вы, после стольких лет? – воскликнул Карлос.

Тот оглядел Карлоса, улыбнулся, притянул его к себе, обнял и расцеловал.

– Да, это я. Господи, Карлос, мы должны взять вас под крылышко!

Дон Луис и Карлос разомкнули объятия.

– Откуда вы узнали, что я приехал?

– Твой отец написал мне и просил сделать тебе сюрприз. Ему хотелось, чтобы ты здесь был под присмотром.

Карлос обернулся к Пабло.

– Это мой дядя, дон Луис, которого я не видел несколько лет.

Пабло крепко пожал руку новому знакомому.

– Ну, пошли, – сказал дон Луис. – Надо наверстать упущенное. Устроим вас, а потом найдем вам славных парижанок, а? – и он жизнерадостно рассмеялся.

Затем он подозвал носильщика, и вся компания, оживленно беседуя, проследовала по заполненному людьми перрону.

Глава 9

Парижская жизнь

Дон Луис объяснял юношам, когда они сели в карету и поехали к нему на квартиру, что Париж уже больше двух тысяч лет был настоящей Меккой для путешественников – еще со времен, когда в этих краях обитало древнее галльское племя паризиев, которое и дало название городу, – а затем в эпоху владычества могучей армии Юлия Цезаря, при котором Париж расцвел и получил название Лютеция.

Дон Луис рассказывал, что Париж был построен на *Ile de la Cite* [13], на перекрестке водного пути и сухопутной дороги. Река давала островной крепости естественную защиту и разделяла Галлию на две половины, а в этом месте как раз была переправа. Но Пабло уже об этом знал.

Карлос явно скучал: проходящие мимо дамы интересовали его явно больше, чем история, но дон Луис все-таки продолжал рассказывать о прошлом Парижа. Он объяснил, что во время Железного века в эти места пришли кельты, и паризии, похоже, должны были заселить остров в середине III века до нашей эры. Позднее, в 53 году до нашей эры, Цезарь устроил там общегалльскую ассамблею. Римляне основали новый город на холмах на левом берегу, но германские вторжения в конце III века нашей эры разрушили этот город.

После падения Римской империи короли Франции продолжали селиться на этом острове, где река Сена предоставляла и транспортный путь, и естественное оборонительное укрепление. Когда вместе с развитием торговли стало расти и население, город оказался переполненным. Антисанитария усугубляла риск эпидемий, в том числе чумы.

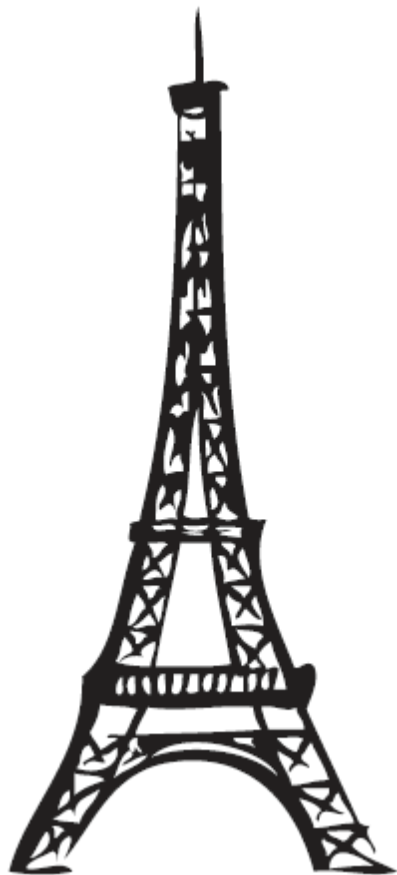
Так что в конце концов короли переехали в другое место, на правый берег, где и возвели Лувр. Начиная с V века и до XVII столетия Лувр был политическим центром Франции, но остров Сите, где начиналась история Парижа, по-прежнему доминировал в духовной жизни французского королевства: именно эта идея воплощена в соборе Парижской Богоматери.

Город продолжал расти и начал распространяться по обоим берегам Сены. Правый берег стал центром торговли; левый берег, где располагались университет и высшие школы, стал интеллектуальным центром. Пространство вокруг Сорбонны было названо Латинским кварталом, поскольку в Средневековье в университете преподавали и говорили преимущественно на

латыни.

В конце первого десятилетия XIX века, при Наполеоне III, Париж стал полностью перестраиваться. Барон Осман задумал осуществить смелый план по преобразению столицы: он заменил обветшалые лачуги шести- и семиэтажными зданиями из белого камня, а широкие, обсаженные деревьями бульвары, прекрасные парки и улицы преобразили вид города. Париж стал новым, роскошным центром культуры и искусств.

Шикарный квартал, где жил дон Луис, находился на Елисейских Полях. Здесь, по соседству с только что отстроенной Эйфелевой башней, обитали представители высшего общества. Это популярное место прогулок производило сильное впечатление. Елисейские Поля протянулись от площади Согласия до великолепной Триумфальной арки. Западную сторону Елисейских Полей обрамляли уютные кафе и овощные рынки всех мастей. Тут же были и маленькие магазины, предлагающие самые разные товары. Площадь Согласия граничила с просторными садами, украшенными фонтанами и скульптурами. В южной части садов помещались Большой и Малый дворцы, а в северной – Елисейский дворец, резиденция президента.

В квартире дон Луиса на Елисейских Полях, в роскошно обставленной комнате, где гудело пламя камина, происходила бурная богемная вечеринка. Газовые лампы были притушены, что создавало уютную, расслабляющую атмосферу. Гости сидели и стояли повсюду случайными группами. Комнату наполняли пряные ароматы ладана и опиума. Дон Луис, стоя у камина, вел дружескую беседу с молодой парой, и какая-то только им понятная шутка вызвала оживленный смех внимательных собеседников хозяина. Музыкант брэнчал на гитаре испанскую балладу, в то время как тщедушный седовласый поэт принялся декламировать печальные стихи. Вокруг выступающих собрался кружок благожелательных слушателей.

В дальнем конце комнаты, вдали от остальных гостей, на большом викторианском диване сидела, развалившись и покуривая трубку с опиумом, молодая пара. Рядом пристроился молодой художник, он рисовал углем поэта. В центре этой сцены стояли Пабло и Карлос, будто двое детишек, которые попали в цирк и теперь таращат глаза на клоунов.

– Если бы я знал, что мой дядя Луис живет такой жизнью, мы были бы здесь уже давным-давно! – воскликнул Карлос. – И какие женщины! Только подумать, что мы тратили время на цыганок! Ну и ну.

– Не суди так поспешно, Карлитос. Кто знает, что прячется за маской красоты? Что касается меня, так я предпочитаю объять дикой, распутной, земной цыганки – зато каждый день.

Пабло оглядел роскошную комнату, будто стараясь впитать в себя все, что его окружало.

Молодой человек, похожий на ученого, в очках в роговой оправе, заметил новичков и подошел познакомиться. Это был испанец Хайме Сабартес.

– Вы, должно быть, друзья дона Луиса?

Карлос испытующе посмотрел на незнакомца.

– Дон Луис – мой дядя. Я не видел его с тех пор, как был мальчишкой. А вы – наш родственник? – Карлос усмехнулся. – Быть может, далекий кузен, которого я никогда не встречал?

– Нет, я просто его друг, – пробормотал Хайме. – Дон дает великолепные вечеринки, так что я пользуюсь любой возможностью... Итак, друзья, что вы думаете о нашем прекрасном городе?

Карлос проводил взглядом прошедших мимо девушек:

– О-о-очень красиво!..

Пабло заметил, что Хайме говорит с легким акцентом.

– У вас, кажется, каталонский выговор?

– Мои родители из Каталонии, но, когда я родился, они переехали в Париж. Итак, что вы намерены здесь делать?

– Писать, конечно, – сказал Пабло.

Хайме достал курительную трубку и зажег ее. Пьянящий запах каких-то экзотических трав наполнил воздух своим ароматом.

– Хочу предупредить, что Париж полон молодыми, стремящимися к славе художниками. Но я желаю вам удачи.

– Удача нам не понадобится, потому что мы отличные живописцы. Да едва галеристы увидят наши работы – сразу с руками оторвут! – заявил Карлос.

Хайме усмехнулся: это бахвальство явно его забавляло.

– И что же вы будете писать?

– Улицы, женщин – все, что покажется интересным!

– По большей части женщин, судя по всему, – вздохнул Пабло.

Все трое рассмеялись, а Хайме протянул трубку Карлосу, который смотрел на нее с большим любопытством.

– Нужно вдохнуть и задержать вдох, – сказал Хайме,

приложив трубку к губам.

Карлос нерешительно затянулся и вдохнул ароматный дым.

– Что это?

– Лучший марокканский гашиш, какой только можно купить за деньги.

Трубка перешла к Пабло, и он с некоторым колебанием сделал вдох.

У Карлоса широко открылись глаза, когда он почувствовал успокаивающее воздействие наркотика.

– Ой, я так странно себя чувствую, будто могу взлететь к потолку, к облакам...

– Да, вид у тебя забавный... – сказал Пабло, тоже повеселев. – Как тебя зовут, дружище?

– Хайме Сабартес. Я, вроде как, писатель. Пока ничего не опубликовано, но я не оставляю надежды.

– Писатель, говоришь? Возможно, впоследствии, когда мы станем знаменитыми, ты о нас напишешь!

– Мне нравится этот парень, – сказал Хайме. – Какого он о себе мнения! Ладно, если я буду писать о вас, то, полагаю, мне стоит узнать, как вас зовут.

– Мой друг – Пабло Пикассо, а я – единственный и неповторимый Карлос Касагемас.

Выступление поэта закончилось, и раздались аплодисменты. Гости поднялись с кресел и закружились в танце: гитарист заиграл фламенко.

Невероятная красавица лет двадцати увидела Хайме и направилась к нему.

– Разве Эль Пасео не изумителен, а, Хайме? – с чувством воскликнула девушка, и ее розовые щеки вспыхнули.

– Простите, моя дорогая, я пропустил декламацию.

Красавица тут же заинтересовалась Пабло и Карлосом и стала с любопытством осматривать их с головы до ног, чуть нахмутив брови.

– Кто ваши новые друзья?

– Это Карлос Касагемас, племянник дона Луиса, и его друг Пабло Пикассо. Они – художники, это их первая поездка в Париж.

Карлос дружески подтолкнул Хайме, чтобы тот представил им прекрасную незнакомку.

– Ах, да... Эта молодая дама, джентльмены, – мисс Анна Форейн [14].

Дама кокетливо улыбнулась и сделала реверанс.

– Не слушайте Хайме. Он великий льстец. Ваши имена кажутся мне знакомыми, почему бы это?

Карлос поклонился и поцеловал руку Анны, как заправский

дамский угодник.

– Может быть, потому что мы родились, чтобы стать известными? – продолжал он бахвалиться.

– Надеюсь, скоро станете. Нет ничего хуже, чем бездарный художник, каких в Париже предостаточно.

Хайме заговорщицки подмигнул Анне: юноши полны энтузиазма, зачем разрушать их мечты?

– Желаю удачи. Полагаю, мы должны показать вам наш прекрасный город. Где вы сегодня ночуете?

– Дядя нашел нам небольшую студию на бульваре К лиши.

– Хорошо, тогда мы заедем за вами завтра утром. Скажем, в десять часов?

Карлос посмотрел на Пабло.

– Что скажешь, *compadre*? ^[15]Годится? Поедешь с нами?

– Обязательно... это нельзя пропустить, – ответил Пабло.

– Хорошо. Значит, договорились, – сказала Анна. – Для начала мы покажем вам коллекцию живописи Лувра.

– Даже если на это придется потратить несколько недель? – рассмеялся Хайме. Он взял Анну за руку, и тут появился дон Луис.

– Ну, племянник, – сказал он, – я вижу, ты уже кое с кем познакомился. Анна, вы должны показать им город.

– Мы уже договорились, – сообщила девушка. – Завтра ведем их в Лувр.

Хайме, улыбаясь, покачал головой.

– А может, и в Латинский квартал. Там можно отдохнуть и выпить.

Все это время Карлос не мог отвести глаз от Анны. Он никогда не видел столь прекрасного создания... Глаза синие, как море, волосы цвета заката...

– Что ж, господа, – сказала Анна, прервав мечтания Карлоса. – Мне пора. Хайме, проводишь меня домой?

Хайме приподнял шляпу, взял Анну под руку, и они ушли.

Дон Луис, видя, что Карлос очарован новой знакомой, ласково похлопал его по плечу.

– Хайме – славный парень. А девушка? Тут, дружок, я чувствую беду. Но, как бы то ни было, хочу, чтобы вам обоим здесь было весело, чтобы вы получали удовольствие от нашего города. Развлекайтесь!

– Не беспокойтесь, дон Луис, я не спущу глаз с моего любимого друга. Сначала он поддастся чарам одной Иезавели, потом другой, но это лишь на неделю, – сказал, подмигнув, Пабло. – Уверю вас, с этой дамой всё будет так же.

Глава 10

Лувр

Ранним солнечным утром следующего дня четверка друзей лениво брела по правому берегу Сены, по улице Риволи, разглядывая окрестности на пути к Лувру. Компания остановилась для легкого завтрака в кафе у реки: дымящийся кофе с молоком, только что испеченные круассаны с маслом, разные сыры и джемы домашнего приготовления. Друзья легко и беспечно болтали, наблюдая за бесконечным шествием парижан, идущих на работу, за покупками или по каким-то другим делам.

Карлос поднялся ни свет ни заря и тщательно занялся своим туалетом, суется и прихорашиваясь, как барышня. Он вытащил из шкафа всю одежду, какую привез с собой.

– Надеть этот красный галстук или, может быть, голубой? Полосатые брюки или темно-синие? Как думаешь, Пабло? Котелок? А что ты скажешь о небрежном берете?

Пабло, открыв один сонный глаз, промычал:

– Карлос, еще очень рано. Почему бы тебе не пойти полуголым? В таком виде ты всегда приводишь девушек в трепет.

– Я стараюсь произвести впечатление на Анну, а ты шутишь! Ладно, думаю, надену брюки в тонкую полоску и светло-голубую рубашку с красным галстуком! Voila! ^[16]

Пабло вздохнул.

– Слава богу! Карлос решил пощадить окружающих и надуться. Ты пахнешь, как французский бордель.

Пабло посмеивался, наблюдая, как друг пытается болтать по-французски. Надо не спускать с него глаз!

Сегодня Лувр – прежде всего музей с богатейшей в мире коллекцией произведений искусства. Однако в свое время на протяжении почти семисот лет это здание было главной резиденцией королей и императоров Франции.

Построенный вскоре после 1190 года королем Филиппом-Августом как оборонительная крепость, к XIV веку Лувр стал дворцом. Французские монархи жили здесь, пока двор не переехал в Версаль. И в качестве жилища королей Лувр был забыт.

В 1793 году Лувр окончательно стал музеем, в котором должны были храниться и выставляться тысячи произведений искусства и памятников прошлого.

Наполеон III завершил объединение дворцов Тюильри и

Лувра, построив крыло Денон со стороны Сены и закончив крыло Ришелье со стороны улицы Риволи. В 1871 году дворец Тюильри сгорел.

Вдоль авеню, ведущей ко входу в Лувр, выстроилась шеренга грязных нищих, которые спали на тротуарах в картонных коробках. Старый, изможденный, худой гитарист лет семидесяти протянул руку к Анне, но она, задрав нос, пренебрежительно отвернулась. Несчастные нищие, которые и не думали обижаться, сами оскорбляли и проклинали прохожих. Старик посмотрел на Пабло, тот запустил руку в карман и дал бедняге монетку.

– Ну и глупо, – упрекнула художника Анна. – Мы научим вас, как здесь себя вести. Не балуйте их.

Пабло смотрел на нее, не веря своим ушам.

– Не баловать? Вы, должно быть, шутите!

Девушка пожала плечами.

– Нельзя раздавать деньги направо и налево, всем парижским нищим.

– Вы говорите о них так пренебрежительно, будто это не люди.

Карлос прислушался к разговору и согласился с Анной:

– Пабло! Я думаю, Анна права. Ты не сможешь помочь им всем. Похоже, здесь нищих очень много.

Пабло, разозлившись, вырвал свою руку из руки Анны.

– В мире так много нуждающихся! Почему бы мне не помочь им, если я могу это сделать?

Анна усмехнулась.

– Пожалуйста, не нагоняйте на меня тоску.

Испанец посмотрел на ее прекрасное бесстрастное лицо, начиная уже понимать, что имел в виду дон Луис, говоря, что «чувствует беду». А Анна, чуть подобрав юбку, пошла впереди, рядом с Карлосом.

Приблизившись к Лувру, молодые люди были поражены размерами этого колоссального здания, построенного в стиле французского Возрождения. Сооружение разрасталось по мере роста королевских коллекций. Во время царствования Генриха IV была завершена Большая галерея, а в 1624 году Людовик XIII принял план Жака Лемерсье по расширению Лувра.

В 1667 году Клод Перро спроектировал величественный восточный фасад, а коллекция в течение всего XVII столетия продолжала увеличиваться. Значительным добавлением к ней в тот период явились великие шедевры голландских и фламандских художников.

К 1725 году Французская академия живописи и скульптуры сделала большую художественную выставку в луврском Салоне

Каре, а школа, расположенная там, стала устраивать ежегодные салоны.

Хайме купил входные билеты и повел всех к коллекции живописи Ренессанса. В большой, похожей на пещеру зале стояла маленькая группа людей, которым экскурсовод рассказывал о работах разных художников.

Проходя по огромным залам, увешанным большими, в золоченых рамах, картинами XV века, Пабло и Карлос благоговейно рассматривали полотна, о которых прежде слышали и читали.

Потом Хайме направился в другое крыло и повел за собой возбужденно обсуждавших что-то Пабло и Карлоса: их голоса гулко раздавались в длинных просторных залах.

– В этом крыле выставлены испанские мастера. Говорят, это одна из лучших в мире коллекций испанской живописи.

Друзья вошли в ярко освещенный зал, где оказались в окружении огромных холстов.

– Веласкес... Гойя... Гонсалес... – называл Пабло знакомые имена. – Веласкес – вот истинный мастер!

Он оглянулся на внимательно слушавших его спутников.

– Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес был, возможно, величайшим живописцем из всех, когда-либо живших на свете. Он создал столько шедевров, сколько не написал ни один другой мастер за всю историю искусства. Веласкес был одним из благороднейших и уважаемых испанских художников и единственным истинным реалистом. Ни один живописец не превзошел его в умении ухватить сущность и характер натуры и запечатлеть их на холсте несколькими широкими, уверенными мазками. Кажется, его мужчины и женщины дышат, – говорил Пабло, – а его лошади полны сил и жизни. Он был живописцем из живописцев. Он повлиял на Франсиско Гойю, на Камиля Коро, Гюстава Курбе и Эдуарда Мане... Все великие живописцы были его учениками.

На Хайме произвело сильное впечатление то, как глубоко Пабло понимает творчество Веласкеса.

– Вижу, вы знаете своих соотечественников, – похвалил он Пабло.

– Работы Веласкеса – это лучшее из всего, что я когда-либо видел. Вершина величия!

Пабло весь так и сиял.

– Но есть один художник, которого я здесь не нахожу, – заметил Карлос, оглядывая зал.

– Кого же это? – спросил Хайме.

– Эль Греко...

– Эль Греко? Что это еще за имя? – спросила Анна, явно без особого интереса.

– Это был греческий живописец, который приехал в Толедо в 1577 году, – объяснил Карлос. – Его настоящее имя – Доменикос Теотокопулос.

– Эль Греко хорошо известен в Малаге, – добавил Пабло. – На самом деле он был одним из первых импрессионистов, это заметно по характеру мазка.

– Эль Греко родился на Крите в 1541 году, – продолжал Карлос. – Это имя означает «грек» и указывает на его происхождение. Мало что известно о ранних годах его жизни и об учебе, но по его поздним работам видно, что на него оказал влияние поздневизантийский стиль того времени. Около 1566 года он ездил в Венецию и там учился у великих мастеров Ренессанса – Тициана и Тинторетто.

– О Господи, откуда только вы все это знаете? – удивленно воскликнула Анна.

– Я знаю еще больше, – засмеялся Карлос, стараясь не упустить случай похвастаться.

– Ну, говорите же, – взяв тон капризницы, кокетничала Анна.

– Вам понравился мой ученый доклад?

– Это было блестяще, но пока что достаточно. Вполне достаточно, – ответила Анна.

Пабло покачал головой и обратился к Хайме:

– Быть может, вашим импрессионистам Эль Греко знаком, но они не желают его признавать?

– Возможно, вы правы. А разве нет иронии в том, что такой город, как наш, почитет на лаврах импрессионизма?

– Я слышал, что импрессионизм получил здесь признание только в девяностых годах.

– Так поздно? – удивился Карлос.

– Думаю, кое-кому это течение очень мешало, – ответил Хайме. – Есть могущественные силы, которые боятся новых идей.

Анна пожала плечами.

– Я слышала, есть мнение, будто импрессионисты разрушили традиционную маньеристскую живопись.

Карлос разочарованно опустил голову.

– А чего еще можно ожидать от коварных критиков и от ханжей, которые правят искусством?

Двигаясь дальше по испанской галерее, друзья останавливались то тут, то там, восхищаясь великолепными полотнами. Время от времени Карлос позволял своей руке легко опускаться на плечо Анны и касался щекой ее щеки, указывая на ту или иную работу. Анна смотрела в темные глаза Карлоса, и, казалось, его близость и бесстыдные знаки внимания доставляли ей удовольствие.

Карлос склонился к девушке, понюхал ее душистые волосы и тихо шепнул ей на ухо:

– Итак, чем столь прекрасная дама, как вы, занимается по вечерам?

– Я думала, мы пришли сюда смотреть на картины.

– Да, но вы невольно привлекаете взгляд.

Анна мило улыбнулась.

– Осторожно, дорогой, лесть может завести вас бог знает куда.

Анна и Карлос уходили вдаль по огромным залам, звук их голосов стихал, и наконец от них осталось лишь далекое эхо.

Пабло постоял, глядя им вслед, и когда парочка исчезла за углом, он только покачал головой.

Глава 11

Отдых у Сены

Пабло и Карлос сидели в оживленном уютном баре у столика со свечами и пили абсент. На металлических решетках поверх стаканов аккуратно лежали горящие кубики сахара. Все смотрели на двух бойких танцовщиц, которые отплясывали канкан.

– Мне действительно нравится Анна, – сказал Карлос. – Она настоящая леди, и не исключено, что к тому же очень богата!

Пабло не понравилось то, что он услышал.

– Не торопись, парень. Вы едва познакомились.

Карлос, увидев вытянутое лицо друга, улыбнулся.

– Ага, ты ревнуешь?

Пабло сделал большой глоток и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Просто будь осторожен, только это я и хотел сказать.

Когда танцовщицы закончили свой номер, на противоположной стороне длинного многолюдного зала раздался громкий возглас.

Пабло посмотрел туда, откуда раздавался шум, и увидел подвыпившего, но опрятного лысого мужчину лет двадцати пяти, одетого в костюм-тройку, при галстук. Он стоял у противоположного конца барной стойки и горячо, увлеченно спорил с каким-то молодым человеком. Это был журналист по имени Макс Жакоб.

Еврей по происхождению, Жакоб утверждал, что недавно ему явился Христос, и потому он обратился в католицизм. Однако и религия не смогла избавить новообращенного от гомосексуальных наклонностей, о которых он однажды сказал: «Если небеса видят мое раскаянье – они простят меня за удовольствия, которые, как им известно, непреднамеренны». Жакоб, пользовавшийся дурной славой за свое беспробудное пьянство, говорил, что присоединяется к художественному сообществу на Монпарнасе, чтобы «грешить публично».

Макс кричал на сидящего рядом жалкого пьяного посетителя, который раскачивался на своем высоком стуле. Танцовщицы сошли со сцены, недовольные выкриками Макса, а тот яростно вопрошал:

– Что вы знаете о нашем правительстве? Говорю вам, Франция становится полицейским государством!

Один из завсегдатаев бара крикнул ему:

– Эй ты, пустозвон, сядь на место и заткнись!

Макс разозлился.

– И зачем только я трачу свое время? Что вы, глупцы, понимаете? Что вообще граждане знают? Правительство постоянно держит нас в состоянии войны, оно заставляет людей непрерывно платить налоги и на наши деньги покупает все больше оружия – это порочный круг, разве вы не видите?

– Если вам не нравится – уезжайте из Франции! – пробормотал пьяный, сидевший рядом.

– Именно это я и ожидал от вас услышать, и того же хочет правительство.

Бармен с густыми щетками усов подошел к Максу и вмешался в разговор:

– Макс, перестаньте будоражить моих клиентов.

– Хорошо, хорошо, но разве вы не видите? Республика гниет на наших глазах, – сказал Макс, вытерев губы. – Я больше не могу спокойно стоять и наблюдать.

Он рванул прочь от барной стойки и присел ближе к ее противоположному концу, возле Пабло.

Юноша проследил, куда сел журналист, и сказал:

– Думаю, то же самое происходит во всех странах мира. Продажные политиканы вовлекают нас в войны, крича о патриотизме и самозащите.

Макс посмотрел на Пабло, и ему стало немного легче: похоже, он нашел родную душу.

– Слава богу, хоть кто-то понимает. Я писатель, я хорошо это знаю.

– Если вы писатель, то сделайте так, чтобы вас услышали! Используйте прессу!

– Поверьте, я пытался, но я у издателей на дурном счету.

– Слава богу, мы художники! – вздохнул Карлос. – У нас нет таких проблем.

Макс посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Правда?.. Знаете, что они сказали о новых художниках, разрушающих традиции?

– Я слышал, это об импрессионистах, – ответил Карлос.

Макс встал и уселся рядом с испанцами. Когда он говорил, его тонкие руки так и порхали в воздухе.

– Вы что, не понимаете? Все это – проявления распада, который продолжается во Франции; подавление новых идей... развязывание глупых войн в иностранных землях... вроде той, которую они пытаются сейчас затеять с Германией.

– Наверное, дадут этой бойне какое-нибудь звучное название: «Великая война» или еще что-нибудь в таком духе, – задумчиво проговорил Пабло.

Он махнул официанту рукой.

– Принесите этому человеку выпить.

– Простите, но ему бармен больше не наливает, – раздраженно возразил официант. – Он пьян.

Макс в ярости вскочил со стула и стал нервно поправлять галстук.

– Как вы смеете! Я не терплю, когда ругают мой характер.

Он замахнулся на официанта, но промазал. Официант же был трезв и меток – он свалил Макса со стула ударом в челюсть.

Пабло и Карлос подняли своего нового знакомого и снова усадили на стул.

– Уведите его отсюда, – кричал бармен, – или мы его вышвырнем!

– Но мы только что с ним познакомились! – попытался возразить Карлос. Однако бармен, не обратив на внимания на его протесты, повернулся и ушел.

Пабло наклонился и похлопал Макса по щекам, чтобы тот протрезвел, но это не помогло.

– Кажется, придется отнести его к нам. Ему нужно проспать, – решил Пабло.

Друзья согласно кивнули и, взвалив обвисшее тело Макса на крепкие плечи Пабло, они вышли из бара.

Глава 12

В студии

Пабло босиком стоял у мольберта и напряженно работал. На нем была просторная одежда – белые штаны, подвернутые внизу, и старая блуза, заляпанная краской.

Новый знакомый Пабло и Карлоса в измятой одежде, раскинувшись, лежал на диване, стоявшем посреди маленькой студии. Макс Жакоб постепенно просыпался. Привстав, он заметил, что Пабло пишет. Еле держась на ногах, морщась от головной боли, Макс подошел к художнику.

– Как вы, дружище? Как вы себя сегодня чувствуете? – спросил Пабло, даже не обернувшись к гостю и продолжая класть на холст мазок за мазком.

– Я чувствую себя так, будто у меня мозг взорвался, – вздохнул Макс и стал искать умывальник.

Пабло рассмеялся и продолжал писать. Макс прохаживался у него за спиной, украдкой поглядывая на его работу.

– Что это? Карлик? – спросил Макс.

– Очень точно подмечено.

– Я полагаю, предмет изображения неважен. Мне кажется, я понимаю, что вы замышляете...

Пабло на мгновение остановился, с любопытством посмотрел на Макса и продолжил работу.

– И что же я замышляю?

– Дело не в предмете. Вы просто объединили маньеризм с импрессионизмом, да еще с примесью фовизма. Обширной палитре цветов вы предпочли мягкую синюю тональность.

– Все верно. Как ваша голова?

– Бедная моя голова... Но скоро все будет в порядке, – сказал Макс, оглядываясь вокруг. – А у вас есть кофе или чай?

– Простите, мы на мели... денег нет.

Макс снова посмотрел на холст, очарованный тем, как быстро Пабло работает. Крупные руки художника, накладывая краску, летали свободно, как у дирижера, творящего волшебную симфонию. Макс отошел в сторону и стал разглядывать груды холстов на подрамниках, прислоненных к стене.

– О Господи! И это все вы написали?

– Я... за последние два года...

– Вы кому-нибудь это показывали?

– Да никто не хочет смотреть.

– У меня есть друг... – Макс оживился. – У него маленькая, но

известная галерея. Я думаю, вам надо с ним познакомиться.

– Звучит заманчиво, но, боюсь, мы напрасно потратим время.

– Но он продает работы Матисса и Писсарро...

Пабло положил кисть и стал вытирать руки тряпкой.

– Вы говорите, что хорошо знакомы с этим маршаном? [\[17\]](#)

– Дайте мне посмотреть ваши лучшие работы, – потребовал Макс.

Тут в дверь, словно легкое облако, впорхнул Карлос. Он обнимал сам себя тонкими руками, пританцовывая, и, блаженно счастливый, закружился по комнате.

– Мы с Анной едем сегодня на пикник! – сиял Карлос.

Но Макс и Пабло не обращали на него внимания: они разбирали холсты, отставляя некоторые в сторону.

– Вы слышите? – воскликнул Карлос: ему нужно было их внимание. – Я только что говорил с ней, и она сказала, что поедет. – Тут он увидел, что идет просмотр работ. – Что вы делаете с картинами?

– Собираемся заработать немного денег, чтобы было что поесть, – пробормотал Пабло.

Макс обернулся к Карлосу и улыбнулся.

– Во всяком случае, попытаемся.

– Bravo! Ну а я сейчас намерен встретиться с Анной. Думаю, мы скоро поженимся.

Пабло оставил свое занятие, обернулся к Карлосу и сердито сказал:

– Полегче, Карлос. Говорю же, эта девушка – не для тебя.

Но Карлос ничего не желал слышать.

– Не говори ерунды, – отмахнулся он. – Я уйду. Увидимся вечером в кафе «Сена», около девяти.

Карлос ушел, а Пабло и Макс стали перевязывать картины веревками.

Глава 13

Галерея Воллара

Амбруаз Воллар был известным и прозорливым маршаном, а также коллекционером и издателем. Французское искусство он знал прекрасно. Он снискал известность своим умением точно распознавать ведущих художников Парижской школы. Самыми значительными его находками были Ван Гог, Сезанн и Матисс, для которых он устроил первые индивидуальные выставки. Воллар сделал много сравнительно небольших, но очень удачных вложений в те времена, когда еще не существовало рынка для работ этих и других художников, которых впоследствии ждала огромная слава. Он годами собирал произведения этих мастеров, постепенно продавал их нетерпеливым коллекционерам и в конце концов разбогател.

Воллар с самого начала своей карьеры интересовался изданием художественных работ. В его альбомах гравюр, напечатанных в 1896–1899 годах, и в альбоме «Параллельно», изданном в 1900 году, содержались оттиски работ большинства виднейших французских мастеров того времени. Впоследствии он сосредоточился на издании прекрасных книг, иллюстрированных оригинальными оттисками Редона, Руо и других художников. Эти книги высоко ценились коллекционерами.

Пабло и Макс вошли в маленькую душную галерею с пачками работ под мышками. Их встретила угрюмая пожилая секретарша с волосами, стянутыми на затылке в небрежный пучок. Дама с любопытством посмотрела на визитеров. Когда они проходили мимо ее стола, она вытянула руку, чтобы остановить их и не пустить в галерею. Надменная и холодная, она внимательно рассматривала посетителей, как если бы перед ней были отбросы общества.

– Извините, – презрительно ухмыльнулась она, – я могу вам чем-то помочь?

Макс посмотрел на винтовую лестницу.

– Месье Воллар здесь?

– У вас назначена с ним встреча?

– Нет, не назначена, но...

Секретарша тут же оборвала Макса:

– Он приказал не беспокоить его.

Макс посмотрел на нее так, будто вот-вот взорвется, и Пабло, почувствовав это и желая успокоить своего спутника, коснулся его плеча.

– Давайте уйдем, Макс... Очевидно, мы здесь не к месту.
– Но он мой старый приятель... Нет, мы никуда не уйдем, – сказал Макс, глядя в упор на секретаршу.

И тут же, выхватив у Пабло три холста, промчался мимо старухи к лестнице, на что Пабло молча смотрел с растерянным видом. Старуха кинулась было за Максом, но тот оттолкнул ее и рванулся вверх. Тогда дама проворно спустилась по лестнице к открытому окну и завопила:

– Помогите! Жандармы! Держите его! Помогите!

Люди на улице оборачивались, с интересом глядя на окно, и шли дальше. Проходивший мимо полицейский, увидев громко стенающую старуху, поспешил в галерею, чтобы узнать, в чем дело.

– Скорее! Он пошел вверх по лестнице в кабинет к месье Воллару. Остановите его! – визжала старуха. Потом показала на Пабло. – И этот... этот тоже был с ним. Не дайте ему сбежать!

Пабло нервно сглотнул, когда полицейский крепко взял его за руку и повел по лестнице, ведущей к кабинету Воллара.

«Столько шума, – думал Пабло, – и все только для того, чтобы показать кому-то мои картины. В какую передрагу втянул меня Макс!»

К роскошной дубовой двери Воллара была привинчена бронзовая табличка, гласившая: «Амбруаз Воллар – хранитель». Полицейский постучал и сразу вошел, ведя за собой Пабло.

Щеголеватый, со стриженной седой бородой, хорошо одетый Амбруаз Воллар, лет пятидесяти с небольшим, в очках в металлической оправе, сидел за столом и спокойно обсуждал картины, которые Макс уже выстроил для обозрения. Оба были очень удивлены внезапным появлением полицейского.

– Чем могу помочь, офицер?

– Женщина там, внизу, сказала, что тут какие-то неприятности. Вы знаете этого человека? – спросил он, толкнув Пабло вперед.

В этот момент в дверях появилась задыхающаяся секретарша. Она трясущейся рукой указала на Макса. Воллар ничего не понимал, он в растерянности смотрел на свою помощницу.

– Что вы натворили, глупая женщина?

– Она отказывалась меня пропустить, – проворчал Макс.

– Боюсь, вы слишком бурно на все реагируете, моя дорогая, – сказал Воллар. – Макс Жакоб – мой старый друг.

– Но им не было назначено время... Я очень сожалею, я...

Полицейский покачал головой, отпустил руку Пабло и ушел.

А Воллар продолжал распекал пожилую даму за ее чрезмерное усердие.

– Быть может, Элиза, вам следует денек отдохнуть. Сегодня вы уже достаточно всех переполошили.

Несчастливая женщина кивнула и ушла, в смущении понуриив голову, а Воллар снова обратился к Макс и Пабло:

– Так, значит, об этом молодом человеке вы мне рассказывали?

– Да, это он – Пабло Пикассо, – самодовольно подтвердил Макс.

– На меня произвели впечатление ваши работы. У вас есть что-нибудь еще?

– Да, есть, немного, – ответил Пабло.

– Амбру аз, вы устройте ему выставку?

– Ну, сначала посмотрим, будут ли его работы продаваться. У меня, правда, есть некоторые клиенты... Давайте посмотрим, что они скажут.

– А ваш процент? – спросил Пабло.

– Семьдесят к тридцати. Вам, разумеется, – тридцать, – улыбнулся Воллар.

– Макс говорил, что вы очень помогаете художникам, – сказал Пабло. – Так не чересчур ли это – семьдесят к тридцати?

– Вы никому не известны, выставлять вас – рискованная авантюра, месье Пикассо. Мне придется вас рекламировать. На это потребуются время и деньги.

Макс глянул на Пабло.

– Соглашайся, Пабло. Это только начало.

Воллар ждал ответа.

Боролись две воли, никто не собирался сдаваться.

И все-таки Пабло уверенно сказал:

– Ладно... Шестьдесят к сорока.

Воллар рассмеялся и протянул ему руку. Пабло тоже улыбнулся, добившись согласия, и пожал руку маршана.

Глава 14

Проблема с Анной

На следующий день, когда Пабло был полон желания работать над картиной, стоявшей на мольберте, в дверь тихонько вошла Анна. Пабло услышал шаги и обернулся на звук.

Не обращая внимания на взгляд Пабло, девушка сняла пальто и осталась в соблазнительном платье из прозрачного черного шелка.

Пабло быстро окинул ее взглядом и отвернулся к мольберту.

– А где Карлос? – спросил он.

– Я думала, он здесь, – сказала Анна низким, сексуальным голосом. – Кстати, он рассказал, что Амбру аз Воллар видел твои работы.

– Он предложил мне выставку, вот и все.

– Похоже, ты делаешь успехи.

– Тебе-то что за дело?

Анна подошла ближе и стала смотреть через плечо Пабло на холст. Затем прижалась грудью к его спине и стала поглаживать его волосы длинными тонкими пальцами.

Пабло раздраженно отстранился.

– Как идут дела у вас с Карлосом? Вы ладите?

– Прекрасно, – расхохоталась Анна. – Он очень забавный. Но он – просто мальчик.

– Однако этот мальчик в тебя влюблен.

– Брось, я не воспринимаю его всерьез. Он слишком много говорит, притом абсолютную чушь.

Анна остановилась перед мольбертом, и вдруг проворно скинула с себя одежду и замерла в бесстыдной наготы. Пабло, усмехнувшись, покачал головой.

– Напишешь меня, Пабло? Хочешь, я буду твоей натурщицей? Разве я не прекрасна? Разве не соблазнительна?

– Что за игры? Поверь, не стоит тебе играть со мной. Не делай глупостей, а то пожалеешь. К тому же у тебя есть Карлос.

– О нем не стоит беспокоиться. Сейчас он у донна Луиса. Они играют в шахматы и пьют, и он вернется лишь через несколько часов.

Анна придвинулась ближе и стала поглаживать широкую шею Пабло.

Художник медленно повернулся и, сурово взглянув на девушку, крепко сжал ее тело могучими руками. Безупречная алебастровая кожа, ясные голубые глаза... Совершенно уверенная

в своих силах, она бросала ему вызов, дразнила его. Он потянулся, вынул гребень из ее волос, и в полумраке сверкнули золотистые струи локонов, упавших на маленькие груди. Пабло отвел длинные пряди рукой, разглядывая пушистый холм цвета меда внизу ее живота. Его рука скользнула туда, он притянул Анну к себе. Она задыхалась, от ее кожи исходил аромат лаванды.

– Так ты думаешь, что хочешь настоящего мужчину, да? Что ж, посмотрим.

Не успела Анна опомниться, как он поднял ее, отнес на середину комнаты и, бросив на пол лицом вниз, протасил по жесткому ковру. Девушка сопротивлялась, но он, крепко держал ее сзади, широко расставляя ей ноги.

– А теперь посмотрим, какая из тебя женщина.

Прижав лицо Анны к ковру, он грубо вошел в нее сзади. В его движениях не было ни страсти, ни ласки: он хотел задушить напускное высокомерие и самомнение Анны.

Немного погодя он, вряд ли помня о теле, лежащем под ним, быстро кончил, и, тяжело дыша, перекатился на пол. И только тогда услышал всхлипывания. Он равнодушно посмотрел на дрожащую женщину, лежавшую возле.

– Ты – животное, – прошипела она.

Пабло вскочил на ноги. Его тело блестело от пота. Подняв с пола белье Анны, он вытер им свои гениталии и кинул вещи хозяйке.

– Животное? Пожалуй, да. А теперь забирай свои шмотки и убирайся, пока я сам тебя не вышвырнул.

Анна, глаза которой были полны ярости и негодования, встала на ноги и влепила Пабло пощечину. Острая боль в щеке ошеломила его.

Задыхаясь от гнева, Анна заметила, что у испанца на шее висит медальон. То был подарок его сестры Кончиты. Анна сорвала его с шеи Пабло.

– Так значит, в твоей жизни есть какая-то женщина?

Пабло выхватил у нее медальон, будто защищая его от прикосновения нечистых рук.

– Тебя это не касается, – холодно проговорил он.

– О, я вижу, она много для тебя значит, кто бы она ни была. Ты часто ведешь себя с женщинами так, как вел себя сейчас, когда занимался любовью?

– Ты называешь это любовью! Да ты не в своем уме!

– Но тебе ведь понравилось, верно? И вообще, не смей так со мной разговаривать! – крикнула Анна. – Я могу показать тебе такое, что ты забудешь свою сучку.

Пабло в ярости схватил одежду Анны и швырнул в нее снова.

– Ах ты, *concha* [18]... Шлюха!

– Ублюдок! – крикнула она. – Что тебе не нравится?

– Ты – вот что мне не нравится. Ты и Карлосу не годишься. Я это ясно вижу и потому сделаю все, чтобы помешать тебе.

Взбешенная, Анна стала быстро одеваться.

– Я скажу ему, что ты меня изнасиловал, – визжала она, уже не в силах сдерживать слезы.

– Убирайся!

Анна оделась и, уходя, в ярости хлопнула дверью.

Пабло подошел к окну и увидел, как она бежит по улице и ревет, словно избалованный ребенок.

Он не помнил, как долго простоял у окна, прижимая к груди золотой медальон Кончиты. В ушах у него шумело, сердце колотилось, мысли разбегались в разные стороны, и он даже не чувствовал, как по щекам у него катятся слезы.

Глава 15

Бульвар Клиши

Бульвар Клиши получил свое название в 1864 году от одноименной площади, которая образовалась в месте встречи дорог, что шли вдоль Стены генеральных откупщиков. Улица, почти на километр протянувшаяся от дворца Клиши к улице Мучеников, называлась в начале бульваром Мучеников, позднее – бульваром Пигаль, в конце концов, стала называться бульваром Клиши.

Пабло и Карлос шли бок о бок по этому оживленному бульвару и разговаривали. Их путь лежал к только что открытому павильону Всемирной выставки.

Прошло почти две недели с тех пор, как произошел неприятный инцидент с Анной. Пабло очень редко видел Карлоса: тот вставал намного позже, чем Пабло начинал писать, и даже пропускал завтрак, состоявший обычно из хлеба, сыра, оливок и, когда они могли себе это себе позволить, фруктов. Затем Карлос празднично прогуливался по бульварам и лабиринтам улиц вместе с Анной, которая настаивала на том, что будет показывать ему Париж.

Возможно, девушка была не так глупа, как считал Пабло, но он не очень-то доверял ей, подозревая, что она нажалуется на него Карлосу. Конечно, Анна должна была понимать, что Карлос не поверит ей: он никогда не сомневался в любви и верности своего давнего и самого душевного друга. Так что ей требовалось найти другое оружие, чтобы сразиться с Пабло.

Как бы то ни было, день выдался настолько прекрасным, что не стоило задумываться о таких вещах. Друзья уже подходили к долгожданной выставке, о которой шло много разговоров.

Внезапно Карлос остановился. Он явно был в приподнятом настроении. Серьезно посмотрев на друга, он сказал:

– Когда я стану знаменитым, я куплю большую виллу для Анны и наших детей.

Пабло искоса недоуменно взглянул на Карлоса.

– Детей? Господи, о чем ты говоришь?

– Я попросил Анну выйти за меня замуж, – с улыбкой объявил Карлос. – По-моему, мы – прекрасная пара. А ты как думаешь?

– Я думаю, ты сошел с ума, мой друг. У тебя за душой ни гроша, так с чего ты взял, что в состоянии содержать семью?

Пабло грозно схватил Карлоса за воротник и повернул его к себе лицом.

– Черт побери! Да не будь же таким дураком!

– Дураком?

– Да, идиотом. Что это нашло на тебя? Как ты мог позволить какой-то маленькой потаскушке вскружить тебе голову? Ты разве не помнишь, зачем мы приехали в этот «Город Света»? Ты ослеп, ты не видишь правды? Ты думаешь, эта глупая девчонка любит тебя, а она любит только себя. Она – твоя погибель, дружище. А как же наши мечты о том, чтобы произвести революцию в искусстве? Говорю тебе, она никогда не поймет твою цыганскую душу, твою страсть: она на это не способна.

Внезапно Пабло замолчал, у него заколотилось сердце при виде ужаса, который отразился на лице его друга: так больно того ранили эти слова.

Тем не менее, Карлос понимал, почему Пабло так зол.

– В чем дело, дружище? Ты боишься, что потеряешь меня? Я думаю, на тебя начинает действовать твоя встреча с Волларом. Что же с тобой будет, когда придет слава? Ты и в самом деле думаешь, что я тебя брошу? Я знаю, что ты и Анна по-разному смотрите на некоторые вещи, но, поверь мне, ты ее тоже полюбишь – со временем... Она дарит мне счастье, Паблито, разве этого недостаточно?

– Прости, – сказал Пабло и отпустил воротник Карлоса. – Давай не будем больше спорить. Мы слишком давно дружим. Идем же, нам нужно многое посмотреть.

Друзья остановились перед входом в большой выставочный зал. Надпись на огромных дверях гласила: «Всемирный Выставочный Зал – Выставка Столетия, 1900 год».

Они вошли в огромное здание и из вестибюля направились в помещение, куда свет проникал через окна в крыше. По залу бродили зрители и знатоки искусства в темных костюмах, галстуках и цилиндрах; поодаль квартет играл легкую классическую музыку.

На больших панелях, разделявших пространство, словно ширмы, на отдельные секции, были выставлены картины известных современных художников.

Пожилой седобородый господин в цилиндре стоял перед картиной Сезанна. Он вынул лупу, чтобы лучше рассмотреть работу. Какой-то нетерпеливый маршан заметил его и ощутил запах денег. Чужа добычу, он взволнованно потирал руки.

– Согласитесь, прекрасная работа! – сказал маршан. – Всего сто двадцать франков – и она ваша...

Пабло и Карлос увидели, что происходит, переглянулись и подошли поближе, чтобы послушать.

– Сто двадцать франков? Какая мерзость! – воскликнул

старик, кипя от негодования. Он опустил свою лупу. – И это вы называете искусством?

Пабло, не желая упускать случая, перебил пожилого господина:

– Простите, месье, но что вы называете настоящим искусством?

Старик бросил взгляд на картину.

– Определенно, не это барахло.

Пабло мысленно усмехнулся.

– А я-то думал, что любая работа, созданная художником, это искусство.

– Вздор! Что за ужас творится с людьми в наши дни! Вы не отличаете хлама от настоящих шедевров.

Пабло вновь обратился к старику:

– И что же вы считаете шедеврами?

– Работы Микеланджело, Караваджо, Тициана. Вот это искусство, месье! – убежденно воскликнул седобородый. Он постукивал кончиком трости по полу. – Живопись эпохи Возрождения!

Прохожие останавливались послушать горячий спор.

– А знаете ли вы, что в эпоху Возрождения средневековые живописцы считали работы этих художников мусором?

– Ха! И что это доказывает? – проворчал недовольный старик.

– Это доказывает, что люди никогда не бывают готовы принять новые идеи или, как в этом случае, новый взгляд на мир.

Пабло указал на аналитический пейзаж Сезанна, чтобы обосновать свою точку зрения.

– Мы водим деревенский пейзаж с горой, как бы геометризованной и разбитой на отдельные грани. Это называется «смещением» или «взаимопроникновением» объектов.

– Этот парень понимает, о чем говорит, – пробормотал маршан, все еще стоявший рядом.

А Пабло снова указывал на большой холст:

– Заметьте, внешний контур горы Сезанн оставляет нечетким, чтобы голубое небо и серая поверхность горы плавно переходили друг в друга.

– И что?

– Ну... Это – новая трактовка формы, цвета и фактуры: взаимопроникновение воздуха и камня противоречит нашему визуальному опыту. В результате картина диктует нам свою логику, отличную от общепринятой.

Когда Пабло закончил свою лекцию, раздались аплодисменты: послушать его уже собралась небольшая толпа. Но слова Пабло явно не убедили старика: потеряв дар речи, он

угрожающе взмахнул тростью и исчез среди зевак.

Познания Пабло в области искусства произвели на маршана сильное впечатление.

– Какой вдохновенный критический разбор! А не хотели бы вы поработать у меня?

Пабло улыбнулся и покачал головой.

– Спасибо, но я творец, а не делец.

И Пабло с Карлосом пошли дальше, смотреть другие картины.

– Слушай, Пабло, это так здорово! Не думаю, что я смог бы так хорошо все объяснить. Откуда ты это знаешь?

– Я просто внимательно рассматриваю то, что вижу.

И тут приятели неожиданно натолкнулись на худого молодого человека, который стоял на возвышении вроде небольшой сцены и, бурно жестикулируя, что-то кричал собравшимся зевакам. Молодого человека звали Альфредом Жарри, он был нескладным юнцом, чуть за двадцать, с ярко-рыжими усами и короткой стрижкой.

Не по годам развитый, блестящий студент, Жарри очаровывал своих однокашников бесконечными проказами.

Ходили слухи, что в пятнадцатилетнем возрасте, во время учебы в лицее в Ренне он был заводилой в группе мальчиков, которые посвящали массу времени и энергии насмешкам над тучным, благонамеренным, но малосведущим учителем по имени Эбер.

Жарри и его однокашник Анри Морен написали пьесу под названием «Поляки». Они показывали ее с помощью марионеток в доме одного своего приятеля. Главный персонаж пьесы, папаша Убю, был увальнем с огромным животом, тремя зубами – каменным, железным и деревянным, – единственным ухом и уродливым туловищем. В более позднем фарсе Жарри, под названием «Король Убю» папаша Убю появляется снова и на сей

раз превращается в одного из самых чудовищных и потрясающих героев французской литературы.

Жарри был умен и, сдав в возрасте семнадцати лет экзамен на степень бакалавра, приехал в Париж, чтобы поступить в Эколь нормаль. Туда его не приняли, но вскоре юноша обратил на себя внимание своими поэтическими произведениями. Сборник его стихов *Les minutes de sable mémorial* [19] был издан в 1894 году.

В том же году умерли его родители, оставившие ему небольшое наследство, которое студент быстро растратил.

Тем временем Жарри обнаружил, какое удовольствие доставляет алкоголь. Он окрестил его «священным настоем», а абсент – «зеленой богиней». Ходили слухи, будто одно время он красил себе лицо зеленой краской, ездил в таком виде на велосипеде по городу и прославлял абсент – несомненно, находясь под одурманивающим воздействием этого напитка.

В ту минуту, когда Пабло и Карлос вошли в зал, Жарри, стоя на трибуне в выставочном зале, с жаром вещал о том, что официальное искусство – не что иное, как профанация. Молодые люди встревожились, увидев, как выступающий извлекает из кармана своих длинных мешковатых брюк пистолет двадцать второго калибра и стал размахивать им.

– Оружие! – проговорил Карлос и, предвидя серьезную опасность, быстро оттолкнул Пабло назад.

Глаза Жарри остановились на Пабло. Он перестал вещать и обратился к толпе.

– Дражайшие друзья и глупцы, сейчас я покажу вам мою самую последнюю работу, которую я называю «живым искусством»!

Внезапно Жарри направил пистолет на ошеломленную толпу и начал беспорядочно стрелять в воздух. Пули попадали в стену прямо за Пабло и Карлосом. Люди, припадая к полу и визжа, отползали к укрытиям. А Жарри продолжал палить в воздух, пока не кончились патроны. В комнате повисла звенящая тишина.

Когда некоторые храбрецы наконец осмелились поднять голову, стараясь высмотреть, что же произошло, то люди увидели хохочущего Жарри, который перезаряжал пистолет. Но, слава богу, в этот момент на сцене появились жандармы. Они быстро скрутили безумца и уложили его на пол. Тот отвечал им обильным потоком ругани.

– Фашисты, ублюдки, – орал Жарри. – Свободу искусству!

Но блюстители порядка, не обращая на его крики внимания, надели на несчастного наручники и повели его, извивающегося и выкручивающего себе руки в попытках освободиться.

Пожилой господин, с которым испанцы уже познакомились, выпрямился, увидел Карлоса и злобно посмотрел на Пабло.

– Это, несомненно, еще один из ваших любимых современных художников?

Карлос, не обращая внимания на старика, обернулся к приятелю.

– Я считаю, сегодня мы уже достаточно всего насмотрелись. Давай-ка покинем этот сумасшедший дом.

– Боюсь, психов тут достаточно, – согласился Пабло. – Что ж, делать нечего.

Пабло покачал головой, закинул руку Карлосу на плечо, и они ушли.

Глава 16

Вечер у дона Луиса

Дон Луис, торгуя недвижимостью, сделал и для себя несколько приобретений в Париже, одно из которых особенно любил. То были обширные апартаменты на левом берегу Сены, в Латинском квартале, неподалеку от Сорбонны.

Латинский квартал всегда оживлен и полон студентов. Он славится своими бистро. Кроме того, здесь находится много высших учебных заведений. Дон Луис был очарован этим районом.

Латинский квартал пересекают бульвары Сен-Жермен и Сен-Мишель – две крупные артерии, от которых, как капилляры, разбегаются в разные стороны сотни извилистых улочек. Обсаженная деревьями площадь Сент-Андре-дез-Ар была местом встреч многих французских художников. Площадь окружали многоквартирные дома, уютные кафе и прекрасные рестораны.

Дон Луис устроил в своей роскошной гостиной небольшую вечеринку в честь дня рождения племянника. Он поставил перед Карлосом слоеный шоколадный торт, чтобы юноша задул свечи. Пабло, Макс, Анна, Хайме и еще несколько молодых испанцев, стоя неподалеку, смотрели, как виновник торжества выполняет эту приятную обязанность, и радовались.

– Ну что ж, Карлос, – сказал дон Луис, – давай посмотрим, сможешь ли ты задуть все свечи... Ах, но постой, сначала ты должен загадать желание!

– Чего же мне пожелать? У меня есть хорошие друзья, семья, Анна...

– А еще – много раскаленного воздуха в легких, – улыбнулся Пабло. – Давай, задувай свечи.

Карлос засмеялся, задул свечи, все захлопали и встали в кружок, ожидая, когда разрежут торт. И тут Карлос ласково взял руку Анны и, притянув девушку к себе, поцеловал ее в губы. Затем с гордым видом обратился к гостям:

– Я хочу сказать кое-что важное. Мы с Анной помолвлены.

Гости стали поздравлять счастливую молодую пару. А Пабло, отойдя в сторону, присоединился к Хайме и Макс. Все трое были явно обеспокоены новостью. Пабло и Макс переглянулись, их взгляды выражали сомнение. Макс склонился к уху Пабло и неодобрительно прошептал:

– Он шутит, наверное? Все знают, что она – шлюха. Вы можете что-нибудь сделать? Образуйте его!

– Я пытался, но он ничего и слышать не хочет.

Пабло подошел к Карлосу, который, стоя рядом с доном Луисом, резал торт. Анну окружили оживленно щебечущие подруги.

– Карлос, можно тебя на два слова?

Карлос обвинил рукой талию Анны: он явно был на вершине блаженства. Анна с подозрением посмотрела на Пабло, хотя глаза ее сияли восторгом от своей победы.

– Что бы ты ни хотел сказать, все это может быть сказано и при мне, – заметила она с саркастической усмешкой.

Встретившись взглядом с Пабло, Карлос обратился к Анне:

– Дорогая, пожалуйста, оставь нас на минутку.

– Прекрасно, – ухмыльнулась она, но отошла в сторону. – Я иду на кухню за тарелками.

Когда Анна ушла, Пабло внимательно посмотрел на Карлоса.

– Когда это ты решил вступить в брак?

– Мы с Анной решили это вчера. Я хочу связать наши судьбы.

– Связать судьбы? Вот смех-то!

– Почему?

– Потому что у нас совсем нет денег, идиот! Как ты намереваешься ее содержать? Что ты можешь ей дать?

– Пабло, ты мой лучший друг. Но не стоит лезть не в свое дело... Мы с Анной любим друг друга. Чем она тебе не нравится?

Пабло покачал головой, поняв, что Карлос уже все решил и отговаривать его поздно.

Карлос широко улыбнулся и взял друга за руку.

– Ах, ты ревнуешь, да? Правда? Боишься меня потерять. Но не беспокойся, все будет прекрасно. Ты можешь жить с нами, если хочешь.

Пабло презрительно улыбнулся и покачал головой.

– Ничего ты не понимаешь.

Он оставил Карлоса в покое: тот выискивал Анну в толпе и, очевидно, уже забыл о разговоре. Увидев свою невесту на другом конце гостиной, молодой человек направился к ней.

Анна вела светскую беседу с гостями. Она наливала вина красивому, изящному испанцу лет тридцати. Они улыбались друг другу и мило болтали.

Вечеринка продолжалась и стала более оживленной, когда гитарист уселся на стул и принялся наигрывать испанские песни, а гости стали танцевать.

Пабло искал Макса и нашел его у стола с угощением: тот наполнял свою тарелку изысканными закусками. Пабло взял тарелку и встал в очередь за Максом. Оглянувшись через плечо,

он заметил, что Анна открыто флиртует и танцует с разными мужчинами. Макс тоже обратил на это внимание.

– Разговор с Карлосом удался?

– Как бы не так. Он одурел от любви.

– А вы сообщили ему о том, что произошло между вами и Анной?

Однажды, когда они вдвоем выпивали в соседнем бистро, Пабло рассказал обо всем Макс. Ему было необходимо покаяться перед кем-то в своем безумном поступке. Он уже сто раз пожалел о случившемся.

– Я не смог, но я расскажу об этом дону Луису. Быть может, он образумит своего племянника.

Внезапно в глубине комнаты возникла какая-то суета, раздались громкие крики, заглушающие нежные звуки гитары. Кто-то разбил что-то стеклянное, и по комнате разлетелись осколки. Один осколок попал в щеку Макса и слегка его оцарапал.

– Какого черта?! – воскликнул Макс, почувствовав на лице струйку крови.

– Не знаю. Пойду погляжу, – сказал Пабло и отставил свою тарелку.

На другом конце комнаты он увидел небольшую группу людей, собравшихся вокруг Карлоса и маленького изящного испанца, который угрожал тому разбитой винной бутылкой.

А Карлос взялся за нож для торта.

– Убери от нее свои грязные руки, подонок! – крикнул Карлос маленькому испанцу.

Анна встала между ними, пытаясь защитить испанца, который все еще размахивал смертельно опасной разбитой бутылкой.

– Прекрати, Карлос! Ты делаешь из себя посмешище. Мы просто танцевали.

– Отойди, Анна. Я покажу ему, как распускать руки!

Оттолкнув Анну в сторону, Карлос ткнул испанца ножом, но нож соскользнул.

– Ха! Думаешь, я тебя боюсь? – кричал Карлос. – Да я убью тебя на этом самом месте!

Он снова кинулся на соперника, но между ним и испанцем внезапно возник дон Луис, и Карлос случайно задел его предплечье ножом. Кровь потекла по руке дон Луиса и закапала на прекрасный персидский ковер.

Пабло и Макс прорвались сквозь толпу, и им удалось растащить разгоряченных соперников. Слуги и гости в ужасе расступились, а некоторые направились к дверям и ушли.

– Прекратите! – крикнул Пабло. – Кто-нибудь, найдите, чем

перевязать!

Соперников разняли, испанец бросил бутылку и попятился к двери, но Карлос все еще полыхал яростью и злобно смотрел на него.

А дон Луис разглядывал глубокий порез на руке.

– Боже! Плохи мои дела, а?

К нему подошел Хайме с бинтом в руках.

– Дайте я забинтую. Уверен, дня через два все заживет.

– Простите, друзья, – сказал дон Луис. – Похоже, я оказался не в том месте и не в то время. – Он с интересом оглядел комнату. Большинство гостей незаметно ретировались. – Что ж, эту вечеринку они наверняка запомнят! – пошутил он, а Хайме тем временем ловко обматывал его руку бинтом.

Карлос подошел извиниться.

– Дон Луис, я так сожалею! Но я не мог допустить...

Пабло метнул грозный взгляд на своего взбесившегося друга, давая ему понять, что он идиот.

– Уводи Анну домой, пока не стало хуже... Иди же!

Смущенно кивнув, Карлос опустил голову, взял Анну за руку и ушел.

Пабло наклонился к сидевшему в кресле дону Луису:

– Я хочу кое-что вам рассказать...

– Не надо... – понимающе ухмыльнулся дон Луис. – Она и тебя изнасиловала.

– Вот таким и будет семейное счастье Карлоса, – заметил Макс. – Эта женщина – проклятье, скажу я вам!

Глава 17

Выставка у Воллара

Вход в небольшую галерею Воллара был залит ослепительным светом газовых ламп, развешанных на затейливом фасаде в стиле рококо. Один за другим к галерее прибывали конные экипажи, из которых выходили красиво одетые дамы и господа, принадлежавшие к элите парижского общества.

В галерее шла выставка одного художника – Пабло Пикассо. Официанты в смокингах разливали прекрасное шампанское из бутылок, стоявших в серебряных ведерках, в то время как гости рассматривали развешанные по стенам картины.

Амбру аз Воллар, попивая шампанское, спокойно болтал с Лео и Гертрудой Стайн. Гертруда – женщина лет тридцати пяти, полноватая и старомодная, с затянутыми в тугой узел на затылке волосами и алой кашемировой шалью на широких плечах.

Гертруда прозорливо подмечала новые таланты и поддерживала подающих надежды художников. Еженедельные собрания в ее салоне, стены которого были увешаны и работами новичков, и уже признанных мастеров, стали легендарными.

Ее покровительство и интересы не ограничивались сферой живописи: она также поддерживала и литературу, ее гостей развлекали музыканты и танцовщики. Многие желали получить приглашение в салон Гертруды: и знаменитости, и малоизвестные художники. Никто не мог рассчитывать на большой успех в мире искусства, если не побывал в салоне Гертруды, и искатели славы являлись к ней со всего мира.

Воллар оглядел помещение в поисках Пабло и увидел его вдалеке в компании с Карлосом, Анной и несколькими друзьями. Воллар помахал ему рукой.

– Пабло, я хочу представить вас коллекционерам, Лео и Гертруде Стайн.

Пабло вежливо кивнул:

– Приятно с вами познакомиться.

Гертруда стала с любопытством разглядывать его.

– Так значит, вы – тот молодой человек, о котором мы так много слышали. Я нахожу вашу живопись замечательной – но ваш французский отвратителен, – пошутила Гертруда.

Было ли это замечание сказано всерьез или нет, но Пабло ее критика не понравилась. Он с неприязнью посмотрел на эту нелепую толстую мужеподобную женщину, с которой, подумал он, следовало бы сбить спесь.

– В самом деле? – произнес Пабло, подняв брови. – Не думаете ли вы, что я пришел сюда, чтобы выслушивать мнения о моей степени владения французским языком. Однако если у вас есть какие-то замечания по поводу моих картин – другое дело, здесь я готов поговорить.

– Пабло, не горячитесь, – посоветовал Воллар. – Стайны помогли многим молодым художникам, подававшим надежды. Гертруда – писательница и художественный критик.

Гертруда улыбнулась, воспринимая все происходящее вполне добродушно: ее трудно было испугать. В сущности, ей даже понравилась пылкость Пабло.

– Не пугайте мальчика, Амбру аз. Сегодня я и в самом деле очень великодушна... – Она вновь обратилась к Пабло: – Меня действительно очаровали две ваши картины – «Старуха» и «Карлица-танцовщица». Умоляю, расскажите мне о них.

Пабло никогда не нравилось объяснять смысл своих работ, но в данном случае он должен был это сделать, просто чтобы доставить удовольствие Воллару, который подбадривал его, хитро на него поглядывая.

– На эти картины меня вдохновили Гойя и Веласкес, – стал объяснять Пабло. – Я делал наброски в музее, а дальше работал у себя в студии.

Но, чтобы удовлетворить любопытство Гертруды, этого оказалось недостаточно.

– Я вижу в этих работах приметы всех новых стилей, – заметила она. – И все же в них проглядывает что-то еще – прежде невиданные сентиментальность, динамизм и живость, чуждая абстракции и формализму. Имеете ли вы в виду какой-либо тайный смысл, выбирая предмет изображения?

Пабло покачал головой: его даже развеселили эти слова.

– Тайный смысл? Нет, я просто пишу то, что мне интересно. Знаете, я считаю, что искусство – это средство выражения чувств. Если в искусстве и есть тайный смысл, пусть его толкуют другие.

Лео Стайн спокойно заметил:

– Так это ваш окончательный стиль?

– Думаю, что я, подобно ученому, буду вечно чего-то искать, пока не докопаюсь до сути, – ответил Пабло, застенчиво глядя в пол. – Наверное, я просто стараюсь разъять каждый предмет на части, а затем вновь собрать его на полотне.

– Знаешь, Лео, мне нравится этот парень, – воскликнула Гертруда. – Быть может, когда-нибудь вы напишете мой портрет?

Пабло одолела скука, и он стал озираться в поисках Карлоса. Меньше всего ему хотелось бы писать портрет этой некрасивой женщины.

– Может быть. А теперь я должен вернуться к моим друзьям. Приятно было познакомиться.

Пабло поцеловал руку Гертруды и отошел к Карлосу и Анне, стоявшим в глубине салона. Но там он, к сожалению, застал бессмысленную ссору. Анна так много выпила, что с трудом могла связать пару слов.

Едва увидев Пабло, она тут же бросилась к нему.

– Карлос в ярости, потому что я сказала, что мне больше нравятся твои работы, чем его.

Пабло посмотрел на нее.

– Зачем ты это сделала, Анна? Ты пьяна!

Но та была не в себе и не слушала: ей явно хотелось скандала.

– Он будет счастлив, если когда-нибудь удостоится личной выставки, – язвила Анна. – Скажи ему правду, Пабло. Он никогда не сможет зарабатывать на жизнь своей живописью.

Пабло крепко взял Анну за руку и подвел ее к Карлосу.

– Пабло, она сама не знает, что несет... Ну скажи ты ей!

Но и Анна, и Карлос ему надоели.

– Что вы тут устроили? Карлос, пожалуйста, уведи ее отсюда.

Тот нахмурился, но все-таки с недовольным видом взял Анну за руку и повел к выходу.

Дон Луис и Воллар с тревогой следили за происходящим. Пабло подошел к ним.

– Похоже, что мой племянник попал в очень неприятную историю, – заметил дон Луис. – В чем там дело?

– Обычный пьяный бред, – отмахнулся Пабло.

Воллар же думал только о деле: прочее его не интересовало.

– Как бы то ни было, Пабло, но я только что продал четыре ваши работы Стайнам, и это несмотря на вашу резкость. Всего за этот вечер было продано десять работ. Неплохо для дебютанта. Идемте, тут есть еще несколько важных людей, с которыми я хочу вас познакомить.

– Ничего, что вы останетесь в одиночестве, дон Луис? – озабоченно спросил Пабло.

– Идите, мой мальчик, идите... Для вас это важный вечер!

Пабло и Воллар смешались с толпой.

Глава 18

Карлос и Анна

Взволнованный и огорченный Карлос, укладывая в кровать пьяную Анну, которая не переставала ругаться, помогал ей раздеться. Она хохотала, как сумасшедшая, улеглась на спину и потянула Карлоса к себе, а когда он пристально посмотрел в ее мутные глаза, злобно рассмеялась и стала бормотать гадости.

– Ты ведь хочешь трахнуть меня, правда? – дразнила она.

Карлос колебался, ясно понимая, что она не в себе.

– Ты пьяна, Анна. Тебе нужно поспать.

Но она ничего не желала слышать.

– Иди ко мне. Покажи мне, какой ты мужчина. Я хочу, чтобы ты меня любил.

Анна разорвала рубашку Карлоса на груди и спустила ее до пояса. Он отшатнулся: его отталкивали запахи винных паров и несвежего тела. Анна задрала платье и, облизывая губы, начала гладить свои бедра. Растерявшись, молодой человек только качал головой. В конце концов он с неохотой сдался, снял брюки и забрался в кровать.

Через несколько минут Анна начала истерически хохотать в лицо Карлосу, словно показывая, что его ласки смешны и беспомощны.

– Перестань надо мной смеяться! – крикнул Карлос.

– Ха-ха-ха! У великого любовника кое-что не встает... Что ты вообще такое? Эльф? Может, тебе лучше отправиться к твоему другу Пабло?

Карлос взвился от злости.

– Не смей так говорить! И ты еще собираешься быть матерью наших детей...

– Наших детей? – хохотала Анна. – Твой друг Пабло больше похож на мужчину, чем ты. Может, он тебе подсобит?

Карлоса эти слова потрясли. Он понял, что она хочет этим сказать.

– Что ты несешь?

– То, что слышал...

Он схватил Анну за горло и сжал его, больше не желая слышать ее мерзких речей. Ему хотелось заставить ее замолчать раз и навсегда.

– Скажи, почему ты так говоришь о Пабло?

Анна оттолкнула от себя Карлоса. Повисло молчание. Потом в безжалостных глазах Анны возникло выражение нескрываемого

презрения.

Она вскочила с кровати, схватила со столика бутылку, налила стакан до краев и стала пить, зло глядя на Карлоса.

– Я побывала в постели твоего драгоценного мужественного друга...

Карлос недоверчиво, в упор посмотрел на Анну. Его большие карие глаза стали еще больше и начали наполняться слезами.

– Я не верю тебе. Он не...

А мстительная Анна спокойно, расчетливо продолжала:

– Это случилось в студии, когда я пошла искать тебя. Он умолял меня позировать ему обнаженной.

А потом у нас была безумная любовь на полу, и снова, и снова – да, Карлос, как у зверей!

Голову Карлоса пронзила жуткая боль, и он крикнул:

– Нет! Я не желаю больше этого слышать!

Он открыл шкаф и достал оттуда маленький пистолет. Анна, увидев блеск металла, испугалась, попятилась в ужасе от мысли, что зашла слишком далеко.

– Нет, Карлос, не надо! Я только пошутила...

– Пошутила?.. – пробормотал обезумевший Карлос. – Нет, я думаю, это не шутка!

Пылая яростью, он ринулся вон из комнаты, раздираемый рыданиями.

– Нет, Карлос, остановись!.. – кричала ему вслед Анна, высунувшись в коридор. – Что ты задумал?

Но ответом ей был только звук торопливых шагов: Карлос кинулся вниз по лестнице и выбежал на улицу.

Глава 19

Из двух зол

Спустя некоторое время Карлос вбежал в соседний многолюдный бар «Рю Азюр». Одну руку он держал в кармане пальто, сжимая в ней пистолет. Возбужденный, взъерошенный, он старался хоть что-то разглядеть в дымном воздухе бара и наконец нашел Хайме Сабартеса, который вместе с приятелями стоял в конце барной стойки. Молодые люди болтали и что-то пили.

Хайме заметил Карлоса и помахал ему рукой, приглашая присоединиться к компании, но ответа не получил. Карлос направился в другой конец бара и заказал абсент: ему хотелось побыть одному. Он залпом осушил стакан и заказал еще порцию. Хайме сразу же понял, что Карлоса что-то мучает. По его изможденному лицу лились слезы, и он как-то странно, криво улыбался.

Хайме подошел к нему, чтобы узнать, что случилось.

– Карлос, дорогой мой, в чем дело? Я еще никогда не видел тебя таким. Снова Анна?

Но Карлос молчал.

– Ну же, Карлос, ты должен мне все рассказать. Мы ведь друзья, разве нет? А вдруг я смогу помочь?

Карлос продолжал молчать, уставившись на картину с возлежащей обнаженной женщиной, висевшую над барной стойкой. Затем он как бы невзначай достал из кармана маленький револьвер.

– Боже мой... Нет! – пробормотал Хайме и в ужасе отпрянул. Все вокруг увидели оружие, повисла глухая тишина. – Что ты делаешь? – воскликнул испуганный Хайме.

– Где Пабло? – спросил Карлос, оглядывая помещение.

– Пабло – твой друг, о чем ты говоришь?.. Он никогда не делал тебе ничего плохого! – уговаривал Хайме.

Карлос был явно не в себе: он то смеялся, то рыдал. Затем с отрешенной улыбкой он пристально посмотрел на Хайме, быстро приставил револьвер к своей голове и нажал на курок... БАХ!

Струя горячей красной крови брызнула на Хайме и на нескольких испуганных посетителей бара, которые стояли рядом [20].

Залитый кровью Карлоса, Хайме, как безумный, растолкал всех, пробираясь к выходу, и побежал в галерею Воллара.

В это время как раз подходила к концу вторая выставка Пабло. Покупатели и коллекционеры покидали зал – Хайме с

трудом протолкнулся сквозь их плотную толпу. Он отыскал Пабло, подошел к нему и стал шептать ему на ухо. Пабло вдруг отшатнулся и, широко раскрыв глаза от ужаса и затряс головой, не веря тому, что услышан.

– Это правда! – сказал Хайме.

Пабло выглядел так, будто его ударили по черепу кувалдой. Он упал на колени, сжал руками голову и, не скрываясь, заплакал.

– Карлос... Нет!.. Карлос!!! – кричал он в отчаянии.

Хайме обнял Пабло, желая утешить его, и они оба зарыдали, стоя на коленях на полу.

Глава 20

Соболезнования

Деревянная табличка на сером тусклом викторианском фасаде гласила: «Похоронное бюро Левого Берега».

Пабло и несколько его друзей небольшой группой стояли в вестибюле. Хайме и Макс, взяв Пабло за руки, поддерживали и успокаивали его. Он, казалось, был совершенно оглушен горем.

– Пабло, наша очередь с ним проститься, – сказал Хайме. – Я должен предупредить тебя: его лицо изуродовано. Может, не надо тебе ходить?

Макс посмотрел на Хайме.

– Пожалуй, я отведу Пабло в кафе и мы там немножко выпьем, а?

Внезапно Пабло, будто выйдя из транса, спокойно сказал:

– Нет, я останусь. Я хочу побыть с ним. Один.

Друзья согласно кивнули, и Пабло направился в соседнюю комнату.

Там, у открытого гроба Карлоса, тихо молился дон Луис.

Когда Пабло вошел, дон Луис встал.

– Я понимаю, ты хочешь сказать ему слова прощания.

Ласково похлопав Пабло по плечу, дон Луис вышел из комнаты.

Пабло придвинул стул и сел, вглядываясь в лицо покойника. Затем он вытянул руку и, непроизвольно всхлипывая, стал гладить бледную, восковую щеку друга. Слева на голове Карлоса все еще виднелась рана от пули, а веко правого глаза было синекрасным и надорванным.

– Почему, дружище? Неужели тебе так не хватало любви? – шептал Пабло. – Я дал бы тебе все, чего бы ты ни захотел. Где же твоя вера, amigo?

Пабло взял украшенное бусами распятие из мертвых рук Карлоса и со злостью швырнул его на пол.

– Бог мертв, Карлос! Он оставил нас! – В безутешном горе Пабло зарыдал.

В тот же вечер после похорон Карлоса Пабло, погруженный в свою печаль, спотыкаясь, с бутылкой вина в руке шел на бульвар дез Авиньон. Потом, выходя из какого-то грязного борделя, он руками поддерживал болтавшиеся брюки, из карманов которых вываливались деньги, и ругал проституток.

Пытаясь похоронить свою боль, Пабло, пошатываясь, бродил по улицам и конце концов упал на грязные мраморные ступени набережной Сены и заплакал, как маленький ребенок.

Пабло мучили угрызения совести: он не только потерял верного друга, его еще одолевало чувство вины – ведь он в последнее время мало уделял внимания Карлосу. Но важнее оказалось то, что, пройдя через это испытание, он обрел эмоциональный опыт и открыл для себя нечто новое, что дало толчок работам «голубого периода».

Спустя несколько месяцев после описанных событий 1901 года Пабло сделал два посмертных портрета Касагемаса – «Смерть Касагемаса» и «Похороны Касагемаса», а в 1903 году Касагемас появился снова, на этот раз – в загадочной картине «Жизнь».

Мир внезапно превратился в темное и безлюдное место. Пабло уже никогда не будет прежним, его сердце стало холодным и твердым.

Глава 21

«Проворный кролик»

1904 год

Кафе «Проворный кролик» было популярным местом встреч молодых, подающих надежды художников. Пабло часто бывал в этом заведении, там он познакомился со многими поэтами и писателями, а также с Фреде, хозяином кафе, который иногда принимал стихи и картины в качестве платы, что привлекало творческую публику. Со временем Фреде стал владельцем весьма впечатляющей коллекции произведений искусства, в том числе работ Пабло: картин «Проворный кролик» (где в виде Арлекина был изображен сам художник, а Фреде позировал для образа гитариста) и «Женщина с вороной» (на ней Пабло написал дочь Фреде).

В работах Пабло, написанных в период с 1901 года и до середины 1904-го, доминировал голубой цвет. В это время художник ездил из Барселоны в Париж и обратно в поисках новых тем для своих работ. Однажды он побывал в Парижской женской тюрьме Сен-Лазар, в которой женщинам, отбывавшим наказание, разрешалось продолжать кормить своих маленьких детей.

В 1902 году, после одной из поездок в Барселону, Пикассо написал картину «Суп». Тогда его особенно привлекали уличные сцены, слепые, нищие – все это можно встретить на его картинах того времени: «Присевшая женщина» (1902), «Завтрак слепого» (1903), «Старый еврей с мальчиком» (1903). Пабло искал символы, которые лучше всего могли бы выразить традиционные историко-художественные темы, но на языке XX века.

В конце концов весной 1904 года художник решил окончательно осесть в Париже. Работы Пикассо отразили перемены в его душевном состоянии и влияние новых интеллектуальных и художественных течений, которые господствовали в то время в городе.

Пабло и несколько его близких друзей собрались за столом в дымном кафе, они вели жаркую дискуссию.

Умный, проницательный бармен в красном жилете, следящий за порядком в кафе, настороженно поглядывал издали на Пабло, Хайме и Макса. У этого бармена в прошлом уже бывали с ними стычки, особенно с Максом, так что он был готов ко всему.

Тут к столу подошли еще два приятеля, они придвинули

стулья и включились в разговор. Это были художники Рикард Канале – маленький черноволосый скелет в очках, одетый в темно-синее пальто, и Андре Дерен – умеренно плотный парень с очень длинными черными волосами. Обоим было лет по двадцать пять – двадцать шесть, а Пабло – двадцать два года.

Рикард и Андре пожали всем руки, и первый обратился к Пикассо:

– Пабло, рад снова тебя видеть, mon ami [21].

– *Merci* [22]. Как дела, Рикард?

– Как всегда, пытаюсь удержать душу в теле. Знаешь, я подумал, что тебе следовало бы попытаться набить руку в гравюре. Я могу быстро научить тебя этой технике, – предложил Канале. – Нужно только найти деньги для покупки медных пластин.

– Ха-ха, ну и насмешил! – промычал Макс. – Воллар за последние несколько месяцев не продал ни одной его работы. Мы живем вдвоем в одной комнате, почти голодаем, у нас нет ни отопления, ни горячей воды...

– Тише, тише, Макс, – подал голос бармен.

– Надо просто работать – и всё, – сказал Андре. – Я-то думаю, что Пабло должен по-прежнему писать маслом. Ему нужно вместе с нами присоединиться к движению фовистов. Чем больше будет наша группа, тем скорее мы добьемся признания.

В 1905 году группа художников-фовистов, собравшихся вокруг Матисса, произвела сенсацию в Париже.

– Что скажешь, Пабло? – спросил Рикард.

В этот момент в кафе возникла тяжелая крепкая фигура длинноволосого брюнета. Мужчина молча сел за стол рядом с друзьями и стал прислушиваться к их разговору. Это был поэт Гийом Аполлинер, властный на вид человек лет сорока, обладавший выразительной внешностью.

Аполлинер, к счастью, никогда не был голодающим художником. Он происходил из привилегированного слоя общества, рос рядом с игорными домами Монако, Парижа и Французской Ривьеры, получил образование в Каннах, Ницце и Монако и считал, что по происхождению он – русский князь.

В двадцать с небольшим лет он уже работал в парижском банке и водил компанию с художниками Браком, Шагалом, Эриком Сати, Марселем Дюшаном и его любовницей Мари Лорансен. С тех пор он опубликовал много полупорнографических книг, в которых возвещал, что в новом веке должны стать известными тексты маркиза де Сада.

На заре XX века Аполлинер принимал участие в нескольких авангардных направлениях французской литературы и искусства. В числе писателей и поэтов, оказавших на него влияние, он называл Гюго, Бодлера, Верлена и Рембо.

– Я должен согласиться с Дереном, – сказал Хайме.

– Но что ты скажешь о новой, голубой серии Пабло? – поинтересовался Дерен. – Если мы последуем за ним, можем создать новое направление.

– Люди считают, что эти работы наводят уныние, – сказал Макс. – Кто, находясь в здравом уме, захочет видеть унылый голубой цвет у себя на стене? Не удивительно, что эти картины не продаются.

– Ну, спасибо, Макс, – вспыхнул Пабло. – Я никогда не догадывался, что ты такого мнения о моих работах! Ну и черт с тобой! – Пабло натянуто рассмеялся.

Макс заказал еще выпивку, чтобы успокоить бармена.

– Вот что интересно, – продолжал Макс, – Пабло ухитрился пройти от романтизма до модернизма. Похоже, он может творить безостановочно и в состоянии воспроизвести любой стиль.

– Но в этих голубых картинах есть что-то особенное, – добавил Дерен. – Пабло каким-то образом превращает картину в могучего, темного, эмоционального посредника.

– Друзья, вот что я делаю, – стал объяснять Пабло. – Упрощая форму, я ввожу в живопись элемент скульптуры.

– Эти работы – хоть голубые, хоть не голубые – своего рода шаг вперед, – настаивал Дерен. – До сих пор лишь Матисс и Сезанн подходили к чему-то подобному, но территория все еще свободна. Никто не углубился в нее достаточно серьезно.

Тут Аполлинер встал и подошел к столу, за которым сидели приятели.

– Незаурядный анализ, господа, – заметил он, улыбаясь. – Не

возражаете, если я включусь в вашу беседу?

Андре сразу узнал Аполлинера и оживился.

– Гийом Аполлинер... знаменитый писатель?

– Именно так, месье.

Макс прошептал на ухо Пабло:

– Это Аполлинер, критик из «Парижской газеты». А вдруг он поможет тебе?

Аполлинер обернулся к Пабло.

– Я вспоминаю, что полгода назад видел некоторые ваши работы в галерее Воллара. Они производят сильное впечатление... Пабло Пи-кас-кас, так?

– Меня зовут Пабло Пикассо, и с тех пор я не продал ни одной картины.

Макс внезапно и громогласно вступил в разговор:

– Похоже, с тех пор как Ван Гог и Гоген начали продаваться со сверхъестественной скоростью, Воллар бросил Пабло. Коварные ублюдки! Они только и ждут, чтобы художник умер, и уж тогда-то они на нем заработают!

Бармен снова прикрикнул на него:

– Макс, я же сказал, потише, или вылетишь отсюда!

Макс мрачно глянул на бармена, отвернулся, и тут в разговор вступил Хайме:

– Бедный старый Ван Гог за всю свою жизнь продал только одну несчастную картину за жалкие шестьдесят франков. А через несколько лет мир искусства назвал его гением!

– Я не думал, что вы так наивны, – задумчиво проговорил Аполлинер. – Вам следовало бы знать правила игры с деньгами. Уж я-то на этом собаку съел.

– Да они настоящие крысы, вот что они такое, – не унимался Дерен. – Живут за счет мертвецов!

Аполлинер ударил кружкой пива о стол, чтобы привлечь внимание.

– Вампиры они или не вампиры, но живой художник должен выживать. Пабло, есть один человек, с которым я хочу вас познакомить: это Анри Матисс.

– Вы знакомы с Матиссом? – с любопытством спросил Пабло.

– Да, у него в следующем месяце выставка в *Salon des Independents* [23]. Я хочу, чтобы вы пошли туда со мной.

– Вы действительно хотите познакомить Пабло с Матиссом? – допытывался Макс.

– Судя по виденным мной работам Пабло, я думаю, им будет о чем поговорить. Идемте со мной на выставку: посмотрим, что это даст.

– Какой удобный случай! Пабло, разумеется, пойдет! – заявил

Макс, похлопывая Аполлинера по плечу. – Это и в самом деле может обернуться чем-то интересным.

Глава 22

Бато-Лавуар

Монмартр

Полуразрушенное здание дома № 13 по улице Равиньян, между площадью Пигаль и вершиной холма Монмартра, известное как «Бато-Лавуар» («Баржа-Прачечная»), было жилищем и студией Пикассо и его богемных друзей. Художники, живущие здесь, работали с полной отдачей ради достижения поставленных целей. Группа «неистовых» ^[24] жила и работала среди других живописцев, скульпторов, писателей, юмористов, актеров, прачек, швей, разносчиков и торговцев овощами: это был рабочий квартал.

Дом был знаменит тем, что с первых лет XX века там селились и трудились многие незаурядные, выдающиеся художники. Первые из них начали селиться в Бато-Лавуар в 1890-е годы, но после 1914-го в связи с войной они разъехались кто куда. Многие переселились на Монпарнас.

Небольшая площадь перед улицей Равиньян была названа в честь французского певца Эмиля Гудо. Ее окружали грязные темные дома, скорее похожие на груды мусора, чем на жилища. В ненастные дни деревянные постройки качались и трещали, напоминая баржи-прачечные, стоящие неподалеку на Сене.

В многоквартирном доме Бато-Лавуар шел маскарад, в воздух взвивались конфетти и ленты серпантина. Бурная богемная вечеринка была в разгаре, к дому стекались приглашенные: пешком, в каретах и в легких двухколесных экипажах. Гости были в масках и в пестрых причудливых костюмах – арлекины, клоуны, пираты и прочие.

Внутри дома царило оживление: жильцы и гости сновали по комнатам, коридорам и лестницам, танцевали, пели, смеялись.

Пабло молчаливым наблюдателем стоял у входа, то и дело приветствуя поклоном новоприбывших знакомых. На нем был костюм тореро со шляпой и накидкой.

Проходившая мимо молодая темноволосая красавица, одетая в пышное платье танцовщицы канкана, попыталась поймать блуждающий взор Пабло. Молодой человек встретил ее кокетливый взгляд. Это была Фернанда Оливье.

Девушка не сводила глаз с Пабло. Поддразнивая его, она

шаловливо приподняла подол платья, показав панталоны в оборках.

Она остановилась у стены рядом с подругой, одетой мальчишкой, наклонилась к ней и стала шептать, будто по написанному: «Он был маленьким, черным, крепко скроенным, беспокойным и строгим, с темным взглядом тревожным...».

Пабло, скрестив на груди руки, прислонился к стене напротив Фернанды. Он только кивнул ей – и она тут же подошла.

– Ты, должно быть, тот самый сумасшедший испанец, о котором все говорят?

Пабло засмеялся.

– И что же обо мне говорят?

– Что ты задира и скандалист, очень самонадеян и уверен в своих талантах!

– Разве это плохо? Я хочу сказать, разве плохо быть уверенным в себе?

– Возможно, для кого-то и неплохо... Ты слишком напыщенный, и ты – мачо. Но, честно говоря, мне по душе такие забияки.

Пабло улыбнулся, притянул Фернанду к себе и страстно поцеловал ее в губы.

К сожалению, поцелуй был прерван полицейским свистком. По лестнице поднимался маленький раздраженный человечек, рядом с которым шли двое полицейских. Это был владелец дома – приземистый, воинственный мужчина лет пятидесяти, в высокой шляпе, с оспинами на лице, с маленькой козлиной бородкой. Он цедил сквозь зубы проклятья в адрес праздника и всех его участников.

Два здоровенных полицейских остановились за его спиной, когда он налетел на Пабло.

– Вот он! – вопил домовладелец. – Я хочу, чтобы его немедленно вышвырнули отсюда!

Пабло смотрел на него так, будто разглядывал насекомое под лупой.

– И вы еще имеете наглость здесь веселиться! – орал хозяин. – Вы должны мне арендную плату за три месяца! Я конфискую все, что вам принадлежит, и картины тоже!

Пабло вышел вперед, чтобы загородить девушку, а проходившие мимо участники вечеринки, на всякий случай,

помалкивали.

– Если вы прикоснетесь к моим картинам, это будет последнее, что вы сделаете в этой жизни, – предупредил Пабло, яростно сверкая темными глазами.

– Вы слышали? – взвизгнул хозяин, обернувшись к полицейским. – Он мне угрожает... я хочу вышвырнуть его отсюда!

Блюстители порядка уже готовы были схватить Пабло, но тут вперед выступила Фернанда.

– Погодите! Сколько он должен?

– Тридцать франков. А вам-то что?

– Не ваше дело... Хотите получить деньги или нет?

Хозяин засмеялся и стал разглядывать ее.

– Деньги от шлюхи? Отправляйся назад в койку, потаскушка!

Пабло не стал дожидаться окончания фразы – он кинулся на домовладельца. Все присутствующие замерли в ужасе.

Полицейские не могли ни на что решиться, не желая вмешиваться, и только пытались оторвать руки Пабло от горла домовладельца, но молодой человек был силен как бык. В конце концов, когда испуганный хозяин начал задыхаться, Пабло его отпустил. Обескураженный и встрепанный, тот попятился и, пытаясь опомниться, стал поправлять галстук и воротничок.

– Я тебя убью, если ты еще раз дотронешься до нее! – крикнул Пабло.

Хозяин нырнул за спины полицейских.

– Я хочу, чтобы вы его арестовали. Он – маньяк, угроза обществу!

Фернанда спокойно обратилась к полицейским, указывая на хозяина дома:

– Офицеры, а я хочу, чтобы арестовали этого человека за оскорбления и за прикрываемые положением неоднократные попытки изнасилования!

Полицейские смущенно переглядывались, но, казалось, им понравилась эта бравада. Тем временем домовладелец вскипел от ярости.

– Думаешь, ты самая умная? – крикнул он. – В следующий раз я принесу ордер на твой арест.

– И мое обвинение в силе, – парировала Фернанда. – Офицеры были свидетелями того, как вы оскорбляли меня.

– Месье, дама права, – сказал главный полицейский. – Советую вам взять деньги и уйти.

– Что? – коротышка был явно не в себе: казалось, его разорвет от злости.

– Именно так, месье. Берите деньги и уходите, – повторил

полицейский.

Хозяин бросил злобный взгляд на Фернанду, затем на Пабло.

– Ты собираешься внести за него квартплату?!

Фернанда приподняла юбку, вытащила из-за подвязки чулка банкноты, скрученные в рулон, отсчитала тридцать франков и швырнула их домовладельцу.

Пабло нерешительно запротестовал.

– Я не могу принять этих денег...

– А по-моему, ты не в том положении, чтобы что-либо принимать или не принимать, – съязвила Фернанда. – Так что помалкивай. Я получу их назад, будь уверен.

Хозяин, облизывая губы, жадно схватил деньги:

– Ха-ха! Проститутка заботится о голодающем художнике, вот так номер!

Пабло снова двинулся на него, но вмешались полицейские. Опасаясь за свою жизнь, домовладелец поспешно сбежал вниз по лестнице, а Пабло вслед ему крикнул:

– И ты называешь это комнатой?! Тридцать франков за крысиную нору? Сквалыга!

Фернанда удерживала его, пока полицейские провожали коротышку на улицу.

Свидетели перепалки, стоявшие внизу, устроили паре овацию, а Пабло поблагодарил толпу картинным жестом тореро-победителя и обернулся к Фернанде. Он был безмерно ей благодарен и стал, как безумный, целовать ее на виду у всех, потом схватил ее за руку и, сверкая глазами, потащил в свою комнату.

Пабло влетел в свою каморку, распахнул окно, выходящее на улицу, и увидел покидающего дом хозяина. Полицейские, оставив старого скрягу, отправились по своим делам.

Фернанда приблизилась к Пабло и тоже посмотрела вниз из-за его широких плеч. Вдруг юноша кинулся к мольберту, схватил банку с синей краской и опрокинул ее на лысую голову домовладельца. Тот взвизгнул и, весь залитый краской, стал яростно вытирать глаза, чтобы увидеть хулигана. Он посмотрел вверх, исторгая проклятья, как раз в тот момент, когда Пабло и Фернанда со смехом юркнули, в комнату.

– Я считаю, что это надо отпраздновать! – сказал художник. – Подожди, я сейчас...

Студия Пабло, с двумя световыми люками в потолке, представляла собой небольшую комнату без шкафов и комодов, куда можно было бы сложить вещи: для этой цели служили крючки на стенах и коробки. В углу валялся матрас, посреди каморки возвышался мольберт, и повсюду стояли прислоненные друг к другу картины.

Фернанда, ожидая возвращения Пабло, прохаживалась по студии, в которой был ужасный беспорядок, и благоговейно разглядывала работы художника. Она не могла понять, как один человек может создать столько замечательных вещей – бессчетное количество картин и рисунков. Попадались среди них и скульптуры в металле и камне, да, наверное, и гравюры, как подумала Фернанда, заметив листы меди, – и всего так много! Именно тогда она впервые увидела работы «голубого периода»: «Старый гитарист», «Трагедия», «Жизнь» и «Объятие».

Фернанде они казались слишком уж грустными. В людях, которых писал Пабло, было что-то вызывающее сострадание, что-то мелодраматическое, но с особенным привкусом поэтической утонченности. Молодая женщина будто онемела: такое впечатление произвела на нее обнаженная душа художника.

Потом Фернанда подошла к незаконченной картине, изображавшей Карлоса, и остановилась около нее, не сводя с портрета глаз, и даже не услышала, как вошел Пабло. Он молча следил за девушкой, сжимая в руках бутылку местного красного вина и два стакана.

Он видел, что она захвачена его картиной – не законченной еще работой под названием «Жизнь», которую, как казалось Пабло, он не в состоянии дописать.

– И что ты об этом думаешь?

Фернанда обернулась.

– Я вижу здесь великую печаль и отчаяние. Что же, в твоих работах нет места романтике?

Пабло пожал плечами, поставил стаканы на стол, наполнил один из них и протянул Фернанде.

– Просто я пишу то, что чувствую. Мы, художники, –

летописцы своего времени... Правда, отвергаемые обществом и непонятые.

– Может, ты и прав, но ты не должен подчеркивать отчаяние в лицах персонажей. Люди хотят покупать жизнерадостные картины, смотреть на то, что поднимает им настроение, примиряет их с жизнью.

Пабло сделал большой глоток вина и поставил картину с Карлосом на мольберт.

– Если людям не нравится моя работа, они не обязаны ее покупать. И мне на это плевать, потому что я никому не позволю решать, что мне делать.

– В таком случае я вижу, что великий талант тратится впустую. Ты же не собираешься всю оставшуюся жизнь писать только голубое?

– А ты предпочитаешь розовое? – засмеялся Пабло.

– Почему бы и нет? Давай выпьем за что-нибудь новое...

– Знаешь, мне давно не было так хорошо с женщиной, – сказал Пабло, чувствуя, что успокаивается. – Слушай, я ведь даже не знаю, как тебя зовут!

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Меня зовут Фернанда.

– А я – Пабло...

Он обнял ее своими сильными руками и подвел к кровати. Она не сопротивлялась. Он взбил подушки, чтобы ей было удобнее, положил ее, лег рядом и стал целовать ее нежную высокую шею.

– ...Пикассо, – пробормотала Фернанда. – Я все про тебя знаю. Тебя все знают...

И Пабло снова поцеловал ее, и они обнялись, как обнимаются влюбленные.

Огонек обгоревшей свечи, стоящей на маленьком столике возле кровати, задрожал и погас.

После того как Фернанда стала любовницей Пабло, жизнь его переменилась. Присутствие этой женщины вдохновило его на многие работы в годы перехода к кубизму, особенно в 1906 году, когда Пикассо написал картину «Женщина с хлебами», а также сделал скульптуру «Голова женщины» и еще несколько работ, в том числе «Женщину с грушами».

Глава 23

Странный роман

В холодные, бодрящие утренние часы можно было увидеть, как Пабло и Фернанда прогуливаются рука об руку по Люксембургскому саду. Они кормили уток и голубей около большого круглого пруда, наблюдали за детьми, которые часами играли в кораблики. Сад находился рядом с Латинским кварталом, там приятно было спрятаться от городской толчеи и суеты в уютном мире великолепно подстриженных газонов и извилистых дорожек, усыпанных гравием. Там Пабло и Фернанда бесечно проводили время, наслаждаясь пейзажем.

Сад этот был частью ансамбля Люксембургского дворца, построенного в 1615 году на бывших землях герцога Люксембургского, для Марии Медичи.

Иногда по утрам Пабло и Фернанда нанимали коляску и отправлялись за город любоваться природой, а днем ходили по музеям, изучая живопись и скульптуру.

После долгой дневной прогулки они возвращались в студию в Бато-Лавуаре, и Пабло работал. Их комната была хоть и маленькой, но уютной. Конечно, двоим в ней было тесновато, но они с этим свыклись. Во всем здесь чувствовалась рука женщины: в студии всегда стояли вазы с простыми свежими цветами, которые влюбленные собирали во время прогулок. Случалось, в хорошую погоду они, захватив маленькую корзину с сыром, фруктами, свежими багетами или круассанами, с оливками, вяленой рыбой или жареным цыпленком и ветчиной, когда могли себе это позволить, проводили долгий, праздный день, закусывая и выпивая на берегу реки. Они беседовали и строили планы, наблюдая за прохожими, – для Пабло это было славное, счастливое время.

Воллар все еще брал у него работы, но дела шли неважно. В те месяцы, когда рядом с Пабло была Фернанда, продать удавалось мало. Молодой художник был близок к отчаянию, его охватило разочарование, и жить с ним стало невыносимо трудно. Часто можно было увидеть, как он с пачкой холстов под мышкой взбирается по крутым ступеням, преодолевая пять лестничных пролетов, ведущих в его каморку. Там он обычно заставал Фернанду, благоухающую духами. Она сидела перед маленьким зеркалом и расчесывала свои длинные прекрасные волосы.

Усталый Пабло вошел, положил холсты, снял черную куртку на трех пуговицах и рухнул в кресло.

Фернанда так и осталась сидеть у туалета, расчесывая волосы. Ее глаза с любопытством следили за отражением возлюбленного в зеркале.

– Как сегодня было у Воллара?

– Неважно. Ему не нравятся мои розовые картины.

Фернанда опустила щетку, подтянула свои бежевые шелковые чулки и поправила туфли.

– Возможно, проблема – в предмете, – предположила она. – Напиши что-нибудь светлое и счастливое, и тогда, может быть, твои работы станут покупать.

Пабло обиделся.

– И пойти на компромисс, предать искусство ради торговли? Ни за что!

Фернанду эти слова возмутили. Она встала и плотнее запахнула халат.

– Прекрасно! И что же мы будем есть? Если бы не великодушные наших друзей, нам пришлось бы голодать.

– Я больше не желаю слышать эту чепуху! – вспыхнул Пабло, потянувшись за не докуренной сигаретой в переполненной пепельнице. – Я устал.

– Ах, ты устал? Что ж, я тоже устала!

И Фернанда надела платье, потом пальто и подошла к двери. Пабло схватил ее за руку, тревожно заглядывая ей в глаза. Он испугался.

– Куда ты идешь, женщина?

– В кафе, если не возражаешь. И почему я должна давать тебе отчет? – сказала она, выдергивая руку. – Ведь это я оплачиваю наши счета!

– Постой, вернись, – умолял Пабло. – Я не хотел...

Фернанда холодно посмотрела на него.

– Мне нужно немного побыть одной. У тебя – своя работа, у меня – своя.

– Я все понимаю... Мне и самому это не нравится. Все эти денежные проблемы... Я их терпеть не могу.

– Ну, привыкай, такова жизнь, – сказала Фернанда и вышла из комнаты.

* * *

В этот вечер на Монмартре, около популярного нового кабаре «Мулен-Руж», по бульвару взад и вперед катились коляски, запряженные лошадьми. Над Сеной поднимался легкий туман, уличные лампы заливали янтарным светом мокрые, мощенные

булыжником улицы. Здесь, вдоль деревьев, по вечерам прогуливались влюбленные и проститутки, а обнищавшие уличные художники продавали свои картины. Многие из них жили и работали на окраинах, платя за жилье сообразно тому, сколько удавалось выручить с продажи своих творений, которые изредка покупали ценившие искусство прохожие.

Фернанда, стоя в тени большого фонтана, украшенного статуей Венеры, беседовала с хорошо одетым господином в шляпе с высокой тульей, которого дожидалась коляска с кучером. Они обменялись несколькими словами, Фернанда кивнула и забралась в коляску.

* * *

Ближе к ночи Фернанда, осторожно открыв дверь, вошла в каморку Пабло. Там было темно. Девушка зажгла свечу и увидела спящего художника. Его одежда валялась рядом, на голом деревянном полу.

Фернанда сняла с полки Библию, вытащила из-за пазухи деньги и положила их между страницами, затем разделась и, задув свечу, улеглась спать.

Глава 24

Вечер у Герти

Писательница и меценатка Гертруда Стайн родилась 3 февраля 1874 года в Пенсильвании. Среди писателей XX века она была одним из самых значительных, влиятельных и одаренных.

Дочь богатого коммерсанта, Гертруда провела детство в Европе вместе со своей семьей, а затем поселилась в Калифорнии, в Окланде. В 1898 году она окончила колледж Рэдклифф со степенью бакалавра. В колледже Стайн изучала психологию под руководством Уильяма Джеймса, идеи которого оказали влияние на всю ее жизнь. Потом она продолжила образование в Школе медицины Джонса Хопкинса.

В 1903 году Гертруда переехала в Париж к своему брату Лео, и они начали коллекционировать живопись постимпрессионистов, тем самым помогая некоторым начинающим художникам, таким как Анри Матисс и Пабло Пикассо. Гертруда и Лео устроили знаменитый литературный и художественный салон в доме № 27 по улице Флерюс. В 1912 году Лео уехал в Италию, во Флоренцию, забрав с собой много картин. Гертруда осталась в Париже со своей компаньонкой Алисой Токлас, с которой познакомилась в 1909 году. Они стали друзьями на всю жизнь.

Гертруда писала уже многие годы и в 1909-м начала публиковать свои новаторские произведения: «Три жизни», «Становление американцев: Из истории одной семьи» и «Нежные пуговицы: Предметы, еда, помещения».

Она намеренно пыталась использовать в своей прозе методы живописной абстракции и кубизма. В результате, по мнению многих исследователей, ее произведения почти недоступны для понимания даже самых интеллектуальных читателей.

В просторной гостиной Гертруды собралась небольшая компания: кто-то сидел в креслах и на диване, кто-то стоял, некоторые гости были заняты серьезным разговором. Комнату украшали большие полотна современных художников, у дальней стены был накрыт стол с обильным угощением, возле которого беседовали Фернанда и Аполлинер.

Проворный официант в красном жилете, в белом галстук-бабочке скользил между группами гостей с серебряным подносом и разливал по бокалам «Вино Мариани» [25]. Он наполнил бокал Пабло, который сидел и слушал сбивчивую речь Гертруды,

вещавшей о фовизме.

Пабло сделал несколько глотков и почувствовал, как в горле у него внезапно похолодело, а сознание прояснилось.

– Бог мой, что это за вино? – спросил он у официанта. – Я почувствовал неожиданный прилив энергии.

Официант с улыбкой наклонился и показал Пабло этикетку.

– Этот напиток, месье, называется «Мариани». Он делается из отменного красного вина в сочетании с порошком, получаемым из листьев коки, произрастающей в Южной Америке. – Официант подмигнул и продолжил свой обход.

Кивнув Гертруде, Пабло сделал еще глоток, продолжая разглядывать вино в своем бокале.

Гертруду рассмешила его наивность.

– Говорят, вся Европа без ума от этого напитка. Даже сам папа римский подтверждает его омолаживающие свойства.

Она обернулась к господину очень эксцентричного вида, который стоял рядом с ней. Это был Феликс Батон, тучный неряшливый критик лет сорока с чем-то, обычно очень общительный, не скрывающий гомосексуальных пристрастий.

– Ах, Феликс, вы здесь! – она кивнула ему. – Я хочу познакомить вас с этим молодым художником, поскольку считаю, что его ждет блестящее будущее.

Феликс искоса бросил на Пабло равнодушный оценивающий взгляд.

– О, в самом деле, моя дорогая?.. Я уже слышал нечто подобное.

– Феликс! Ведите себя прилично, – шутливо одернула его Гертруда и обернулась к Пабло. – Познакомьтесь с Феликсом, одним из лучших французских критиков. Он может оказаться очень полезным, если вы пойдете ему навстречу.

Но на молодого художника Феликс не произвел сильного впечатления. Пабло даже и не посмотрел в его сторону, и это возбудило в критике любопытство. Кто таков этот новичок, чтобы настолько пренебрежительно реагировать на него, Феликса?

– Так это вы тот парень, о котором мне говорил Аполлинер, – усмехнулся Феликс. – И что же такое вы делаете, что все считают столь изумительным?

Пабло хитро улыбнулся.

– Так-так, чую ловушку. Ищете, за что меня покритиковать? Но я не объясняю свои работы, я просто пишу.

Гертруда сразу же почувствовала повисшее в воздухе напряжение.

– Пожалуй, я оставлю вас, господа, поболтать, но ведите себя прилично, – сказала она, уходя к гостям, стоявшим у камина.

Феликс продвинулся ближе к Пабло с выражением изумления на лице.

– Очень умно... – заметил он. – Знаете, вы производите впечатление сильного, неразговорчивого человека. Честно говоря, мне все равно, что вы делаете, но дам вам один совет: если хотите преуспеть, окружите себя правильными людьми. Рука руку моет. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

– Понимаю... Полагаю, вы имеете в виду людей, подобных вам?

Феликс расплылся в широкой улыбке, будто растолстевший Чеширский кот.

– Попали в точку, – промурлыкал он.

Феликс положил руку на плечо Пабло и стал ласково поглаживать грубую ткань его рубахи.

– Я думаю, вы ошибаетесь насчет меня, – сказал Пабло, осторожно убирая руку Феликса.

Пабло встал и направился к столу с угощением, возле которого все еще стояли Фернанда с Аполлинером.

Когда Пабло отошел, Феликс усмехнулся и стал наблюдать, как тот подходит к столу и наполняет свою тарелку. Феликсу нравилось, когда победа давалась непросто.

– С кем это ты разговаривал? – спросила Фернанда, потягивая вино.

Неожиданно вмешался Аполлинер:

– Это, моя дорогая, не кто иной, как Феликс Батон, один из наших самых известных критиков. Говорят, одно его слово может создать или разрушить карьеру художника. *Mucho influencia, mi amigo* [26], —и Аполлинер подмигнул.

Это сообщение взволновало Фернанду. Вот что могло бы помочь Пабло прорваться, именно это им было так нужно. Но Пабло следовало быть более вежливым, не становиться в позу, смирить гордыню. «Как же, держи карман шире!» – подумала Фернанда.

– Пабло, разве это не замечательно? И что же он тебе сказал?

– Он сказал, что ему неважно, что я делаю, пока я буду стараться подыгрывать правильным людям.

– Ну, и что в этом плохого?

– Я думаю, Пабло пытается вам сказать, – снова вмешался Аполлинер, – что Феликс сделал ему предложение!

Это озадачило Фернанду.

– Что, нечего сказать, любовь моя? – рассмеялся Пабло.

Внезапно подошел Феликс и похлопал его по плечу.

– Вы не представите меня вашей даме? С месье Аполлинером я уже знаком.

– Пожалуйста, это Фернанда Оливье... Довольны?

– Очень приятно с вами познакомиться, – сказал, поклонившись, Феликс и поцеловал руку Фернанды.

Она пошла даже дальше – слегка присела в реверансе.

– Мне говорили, что вы лучший критик в сфере искусства!

– Возможно, дорогая, – сказал самодовольно Феликс.

Но с этого момента он, в сущности, больше не обращал на нее внимания, а смотрел только на Пабло.

Гертруда, стараясь привлечь внимание Фернанды, помахала ей с другого конца залы.

– Ах, кажется, меня зовет Гертруда. Надеюсь, вы меня извините, – сказала Фернанда и шепнула Пабло на ухо: – Будь милым с этим человеком. Как знать, что из этого может получиться.

Аполлинер понял, что ему тоже лучше отойти, и отправился вслед за Фернандой.

– Пожалуй, я к вам присоединюсь.

Пабло взял тарелку со стола, обильно уставленного едой, и наполнил ее салатом и дымящимися спагетти болоньезе, а затем впился зубами в сырный крокет.

Феликс потащился за Пабло, что ужасно того разозлило. Пабло так набил рот едой, что чуть не подавился. А Феликс медленно опустил руку и похлопал Пабло пониже спины.

Тот, обернувшись, осклабился.

– А, так мы ищем развлечений?

– Ты, кажется, парень смывленный, – ухмыльнулся Феликс. – Все талантливые мальчики хотят признания...

– Да ну? – сказал Пабло, удивленно глядя на собеседника. – Что же, знайте: если вы еще раз прикоснетесь ко мне своей липкой рукой, уйдете отсюда безруким!

Затем Пабло повернулся и неожиданно надел на голову

Феликсу свою тарелку, наполненную едой. Гости расхохотались. Посреди комнаты стоял и трясся от возмущения великий Феликс Батон, а по его толстому лицу сползали куски салата и змейки спагетти.

Пабло отошел в сторону, оставив униженного Батона возле стола в полном одиночестве, с выражением ужаса и негодования на лице.

Гертруда подбежала к Феликсу и, притворяясь обеспокоенной, стала стирать пятна с его пиджака, изо всех сил стараясь удержаться от смеха.

– Ох, Феликс! Когда же вы наконец научитесь разбираться в людях? Этот парень – не из тех, кем легко манипулировать. Поймите: далеко не каждого можно запугать!

Негодующий Феликс оглядывал комнату, желая убедиться, что Пабло поблизости нет.

– Я покажу этому черномазому коротышке, что мне можно, а чего нельзя! – кипел он, вытирая лицо льняной салфеткой. – Нет, это еще не конец...

Глава 25

Цирк Медрано

В 1904 году Пабло отказался от цветовой палитры и тем «голубого периода» и обратился к образам ярмарочной площади и цирковых представлений. Изображая эти сюжеты, он использовал большое разнообразие оттенков разбеленного красного. Именно поэтому новый период его творчества стали называть «розовым». Все образы «розового периода» Пабло видел воочию в цирке Медрано, а также на улицах города и в его предместьях, где кочующие группы акробатов, музыкантов и клоунов устраивали короткие представления. Образы циркачей часто использовались художниками и поэтами прошлого: и романтиками, и символистами, от Домье и Сера до Бодлера и Рембо, в произведениях эти люди, отвергнутые обществом, постоянно пребывают в состоянии меланхолии.

Бродячие цирки и их артисты стали для Пабло любимыми предметами изображения, интерес к которым разделял его новый друг Гийом Аполлинер. И поэт, и живописец, обращаясь к образам бродячих актеров, людей без роду, без племени, которых Пикассо представил на картинах «Девочка на шаре» (1905) и «Актёр» (1905), намекали на положение художника в современном обществе. Пабло вполне определенно отождествил себя и Аполлинера с циркачами в работе 1905 года «Семья акробатов», где он написал себя в образе Арлекина, а Аполлинера – в виде силача.

В поэзии Аполлинера образ акробата окружен аурой таинственности и волшебства, как и на картинах Пабло. В своих работах маслом, акварелью, гуашью, на рисунках и гравюрах художник представляет актеров во время отдыха, часто – в теплой, душевной домашней обстановке. При этом он передает убогий антураж их жизни и сохраняет за ними традиционную роль «непризнанных художников».

Теплой ночью под светом газовых ламп на маленькой улице, отходящей от бульвара Монмартра, расположились балаганы цирковых артистов. В этих балаганах давали представления, развлекая любопытствующих прохожих, жонглеры, клоуны и музыканты. Всё вместе представляло собой оживленную, веселую сцену с немного потрепанными декорациями – эдакий цирк для бедняков.

Громогласный циркач, стоя перед своим убогим балаганом с

вывеской «Научный музей», зазывал прохожих. На голове этого мужчины лет сорока с длинными усами красовалась соломенная шляпа, нахлобученная поверх рыжего кудрявого парика.

– Смотрите, смотрите! – зазывал он. – Дамы и господа, смотрите! Здесь у нас – Берта, ребенок с двумя головами, Волосатая Дама, Человек-Змея и еще много чего. Заходите, не пожалеете!

Дама солидного вида, лет шестидесяти, подошла и уставилась на уродцев, изображенных на фотографиях, которые были приколоты у входа в балаган.

– Как вы смеете показывать публике подобные вещи?! – возмутилась дама. – Это отвратительно. И есть же люди, которые за это платят!

Пабло и Фернанда проходили мимо и остановились, чтобы послушать.

– Послушайте, мадам: я здесь работаю, – объяснил зазывала. – Всем нам надо как-то зарабатывать на жизнь. Идите своей дорогой!

Дама увидела Пабло и Фернанду и решила заручиться их поддержкой, а вокруг уже собралась небольшая толпа.

– Это непристойно, – продолжала она. – Этот так называемый артист использует бедных, несчастных созданий, чтобы набивать свой карман. Это же противозаконно, согласны?

Пабло, закатив глаза, посмотрел на Фернанду.

– Вообще-то, мадам, не согласен, – возразил он. – То есть я понимаю, что вы хотите сказать, но я с вами не согласен. Подумайте сами: как, по-вашему, эти «бедные несчастные создания» выживут без выручки от этих представлений? Вы что, намерены их кормить? Или это будет делать правительство? Как бы не так!

Толпа заплодировала Пабло за разумный ответ. Смешной лилипут и полная бородатая дама вышли из-за занавесок и встали рядом с хозяином, как бы защищая его.

– Убирайся, старая ведьма! Уходи!.. – крикнул лилипут. – Ты всех распугаешь!

– Да, иди прочь! Сама ты старое несчастное создание, – выпалила бородатая женщина.

И разгневанная дама, подобрав юбку, удалилась. А лилипут повернулся к Пабло и пожал ему руку.

– Здорово мы прогнали эту старую каргу – а, Пабло?

За долгое время, которое Пабло провел здесь, рисуя этих славных людей, они с Фернандой перезнакомились решительно со всеми, и теперь артисты относились к ним как к своим, потому

что это сообщество циркачей было своего рода большой семьей. От многих из них отказались родственники, общество не желало их принимать, а обычные люди избегали несчастных. Заботиться о них было некому, и они пытались самостоятельно себя обеспечить. На этой равнодушной планете подобное притягивает подобное, и изгои собирались вместе, создавая собственный маленький мир. Отверженные большинством, но нашедшие поддержку друг в друге, они выживали, несмотря ни на что.

Пабло и Фернанду здесь все принимали радушно.

– Фернанда, ты великолепна, как всегда, – сказал хозяин одной из палаток. – Вас недавно разыскивали Жан и Мари. Они сейчас у себя.

Пабло взял Фернанду за руку, и они пошли вдоль палаток, останавливаясь время от времени, чтобы с кем-нибудь поздороваться и поболтать.

– Я так рада, что твои картины стали светлее! Теперь они уже не такие суровые – да и ты сам повеселел, – сказала Фернанда. – Думаю, тебя вдохновили эти еженедельные походы в цирк.

Пабло остановился и поцеловал возлюбленную.

– Это – твоя заслуга.

Фернанда ткнула носом в его шею, и они пошли дальше, наслаждаясь всеми запахами, видами и звуками этого маленького циркового братства. Здесь, среди людей, изгнанных из общества, среди отверженных, Пабло находился в своей стихии. Именно здесь можно было особенно близко ощутить присутствие человеческого духа в его чистом виде. Молодой художник не испытывал к этим людям жалости, он их не стыдился, нет: его изумляла их жажда жизни, удивляла их способность переносить страдания и лишения, противостоять судьбе.

Пабло и Фернанда нырнули внутрь маленькой цирковой палатки, пол которой был покрыт опилками и грубыми рваными коврами. В углу стояла раскладная кровать с подушками, набитыми соломой. Этот спартанский интерьер освещали только свечи. Отблески падали на множество гирь и гантелей разных размеров и на мячи самых невообразимых цветов.

Двадцатилетний Жан был широкоплечим гигантом, цирковым силачом. Его совершенно круглую голову покрывали угольно-черные жирные волосы, а рельефное тело блестело от масла, которое сохраняло эластичность мускулов и кожи.

Молоденькая жена Жана, Мари, с коротко стриженными рыжеватыми волосами, была очень маленькой, похожей на ребенка или на куклу, но с правильными пропорциями. Одета в длинные белые чулки и балетную пачку, она, ловко удерживая равновесие, ходила по большому мячу, поворачивая его кончиком ножки.

Когда Жан и Мари увидели Пабло и Фернанду, они бросили свои дела и радостно поприветствовали гостей. Пабло видел, что за их улыбками скрываются усталость и грусть. «Должно быть, таково обычное состояние человеческих душ», – подумал он.

– Пабло, ты опять тут, – сказала Мари с усмешкой. – Неужели тебя не отталкивают страдания тех несчастных, что здесь обитают?

– Что цирковые артисты, что художники, – возразил Пабло, – наши страдания одинаковы. Над нами насмеваются, нас изгоняют из общества.

– Не обращай на нее внимания, Пабло, – вмешался Жан. – Просто работы нет, вот она и злится. Сегодня снова будешь ее рисовать?

В ответ Пикассо вытащил свой альбом и карандаши и начал делать набросок.

– Я думаю, в этот раз нужно нарисовать вас вместе, согласны?

– Конечно, мы только рады, – ответил Жан, поднимая одну из своих гантелей и готовясь позировать.

Когда Мари принялась выполнять акробатические упражнения с большим красным полосатым мячом, Фернанда придвинула себе стул, села и, как завороченная, стала смотреть на артистов горящими глазами.

– Почему бы и нам не пожениться? – прошептала Фернанда

на ухо Пабло.

Тот перестал рисовать и удивленно уставился на нее.

– Пожениться? Ты в своем уме?

– Знаешь, некоторые это делают.

– Мы не можем себе этого позволить. Да и зачем? Ведь мы и так живем вместе. Кусок бумаги с подписью ничего не изменит.

– Но для меня это важно: это значило бы, что ты действительно меня любишь.

Пабло, вернувшись к работе, покосился на подругу.

– А я и люблю... – пробормотал он.

Фернанда наклонилась вперед, ласково взяла рисунок из его рук, затем встала и чуть отошла.

– Так докажи мне свою любовь, – сказала она, поддразнивая его.

Пабло окинул ее влюбленным взглядом выразительных черных глаз, ласково толкнул ее на соломенный пол, и она вскрикнула от удовольствия.

Жан и Мари тоже развеселились.

Пабло поднял голову и, лукаво усмехаясь, посмотрел на них.

– Не будете ли вы так добры, не дадите ли мне воспользоваться вашим помещением... недолго?

– Ах, вижу-вижу, влюбленные птички хотят побыть вдвоем, верно? Идем, Мари, поработаем пока на ринге.

Жан подмигнул и вышел, закрыв за собой дверь балагана. Пабло стал срывать с Фернанды одежду, покусывая ее шею, лаская ее податливое тело, пока девушка не стала умолять художника войти в нее. Она задрала свою широкую юбку, крепко обхватила возлюбленного сильными руками, и на полу, посыпанном опилками, началось дикое, страстное любовное действие.

Глава 26

Салон Независимых

1906 год

«Салон Независимых» – выставка Общества независимых художников – открывался в Париже каждый год, начиная с 1884-го и считался престижным мероприятием. Пабло жаждал поучаствовать в нем.

В результате революционных изменений, происходивших во французском искусстве в конце XIX столетия, и художников, и публику все меньше удовлетворяла косная, ограниченная политика официального Парижского салона, выставки которого в Королевской академии художеств в период между 1667 и 1737 годами проходили нерегулярно, но впоследствии стали ежегодными. Академия почти полностью контролировала и художественное образование, и выставочную деятельность. Поэтому в 1863 году художники-новаторы, чьи работы не были приняты Парижским салоном, организовали «Салон Отверженных».

В 1880 году официальный салон отклонил работы многих импрессионистов и постимпрессионистов, и в 1883 году эти художники организовали второй «Салон Отверженных». В 1884 году было основано Общество независимых художников, которое принимало работы не по решению жюри, а у всех, кто желал экспонировать свои работы.

В первой выставке приняли участие Одилон Редон, Анри-Эдмон Кросс, Поль Синьяк, Поль Сезанн, Поль Гоген, Анри де Тулуз-Лотрек, Винсент ван Гог и Жорж Сера, чья картина «Купание в Аньере», написанная в 1883 году, была тогда же отвергнута Парижским салоном. В 1905 году на ежегодной выставке Салона Независимых свои работы представили Анри Руссо, Пьер Боннар, Анри Матисс и фовисты. Все произведения пользовались большим успехом.

На фасаде Большого дворца, расположенного на широком бульваре Елисейских Полей, над главным входом был растянут плакат с надписью: «Общество независимых художников представляет: Анри Матисс. Выставка современного искусства – 1906».

Аполлинер и дон Луис провели Пабло внутрь здания, и все троим стали бродить по выставке.

– Ну, что ты думаешь, Пабло? – спросил дон Луис.

– Впечатляет, – помолчав, ответил наконец Пабло. – А где же он сам?

– Где-то здесь, – сказал Аполлинер, осматривая громадный зал. Тут он заметил Матисса, стоящего в окружении газетчиков. Это был невысокий, неброской внешности человек, около сорока лет, с короткими выющимися каштановыми волосами, с маленькой бородкой, в очках с металлической оправой. На нем был серый костюм в полоску. Отвечая на вопросы корреспондентов, он производил впечатление человека проницательного и уверенного в себе.

Аполлинер волновался – он очень хотел познакомиться Пабло с Матиссом. Когда Матисс заметил, что к нему приближаются его старые друзья, Аполлинер и дон Луис, он облегченно вздохнул и шагнул им навстречу, уходя от любопытных репортеров.

– На сегодня достаточно, – заявил он журналистам. – Продолжим позднее. А сейчас – извините меня...

Аполлинер подошел к Матиссу, и начались объятия и поцелуи. Матисс искренне радовался этой встрече.

– Анри, дружище, как вы? – гудел Аполлинер. – Похоже, вас можно поздравить с очередной успешной выставкой. А что?.. Здесь, должно быть, пол-Парижа.

– Гийом, дон Луис, как приятно вас видеть! Добро пожаловать! Вы оба прекрасно выглядите. – И тут Матисс заметил Пабло. – А что за молодой человек с вами?

– Анри, я хочу познакомиться вас с Пабло Пикассо, – сказал дон Луис, представляя художников друг другу.

Матисс пристально, с явной антипатией взгляделся в Пабло и нахмурился.

– Что? Вы привели того выскочку, который копирует мой стиль? – Он быстро обернулся к Пабло. – В чем дело? Зачем вы пытаетесь меня имитировать?

– Успокойтесь, Анри, – вмешался Аполлинер.

Пабло ошеломило поведение Матисса, поскольку он всегда уважал его как большого художника, который уже при жизни достиг славы и успеха. «Как грустно, – подумал Пабло, – что человек в его положении все еще видит в ком-то угрозу».

– Простите, месье, – сказал Пабло, – но я никого не имитирую, возможно – черпаю вдохновение, но вовсе не имитирую. Впрочем, я намерен двинуться дальше, чем вы, и, к счастью, не боюсь ни насмешек, ни зависти.

– Тогда найдите свой собственный стиль! – вспылил Матисс.

Пабло не верил своим ушам.

А расходившийся Матисс обратился к Аполлинеру:

– Зачем вы привели сюда этого неотесанного юнца? Хотели оскорбить меня? – И он повернулся к Пабло спиной, будто тот должен был при этом исчезнуть.

– Успокойтесь, Анри, вы слишком остро на все реагируете, – твердил Аполлинер. – Вам обоим равно свойственна любовь к примитивизму, к чему-то такому, чего мир искусства еще никогда не видел.

Матисс сердито косился на Пабло.

– Ну, уж он-то, на мой взгляд, действительно примитивен!

В разговор вступил дон Луис:

– Анри, взгляните на дело иначе. Вы с Пабло вполне могли бы объединить усилия для популяризации современной живописи.

На глаза Аполлинеру попала витрина, в которой были выставлены маленькие, вырезанные из дерева африканские тотемы. Он поспешно шагнул к ней, взял оттуда один экспонат и поднял его так, чтобы было видно всем.

– Тотем – это любой естественный или сверхъестественный

предмет, фантастическое существо или животное, изображенное в дереве или другом материале. Он имеет личное символическое значение для человека, который сознает собственное бытие в тесной созависимости с бытием и энергией тотема.

– А я думал, это как-то связано с африканскими племенами, – удивленно проговорил Матисс.

– Да, так и есть, – подтвердил Аполлинер. – В некоторых традициях с тотемами отождествляются не отдельные люди, а целые группы. Свои тотемы бывают у кланов и у племен. Но смысл этого предмета заключается в том, что он защищает единство, силу и устремления клана от различных угроз, связанных с антиобщественным и аморальным поведением, таким как инцест.

– Инцест? Боже, при чем тут инцест? – взмолился Матисс.

– Тотем – это знак племенной идентичности. Это не только отличительный знак, но и символ родовой общности.

– Я начинаю понимать, что вы имеете в виду, – сказал дон Луис, а Аполлинер продолжал свою речь.

– Этот тотем – прекрасный образец, – заявил он. – Он – сама древность, существовавшая прежде истории, прежде всех времен, прежде культуры, нечто глубоко укорененное в подсознании – и, в конечном счете, нечто первичное и неистовое.

Пока Аполлинер говорил, творческое сознание Пабло вело работу. Он представил себе тотем в виде деревянной фигуры туземца в полный человеческий рост, будто бегущего сквозь заросли джунглей рядом с дикими африканскими животными. Туземец хрипло кричит, а вдалеке раздается бой барабанов...

Аполлинер посмотрел на Матисса и Пабло: мысль о них отвлекла его от фантастических образов. А Пабло, вернувшись из своих мечтаний в реальность, осторожно взял африканский тотем из рук Аполлинера и стал внимательно его разглядывать.

– Разве непонятно? Вы оба в своей работе напали на след настоящего сокровища, – продолжал Аполлинер. – Но вы коснулись лишь грубой поверхности – и теперь должны идти дальше и освободить себя от всего, о чем прежде рассуждали, что обдумывали, что останавливает вас на пути к величию.

– Хорошо сказано, Гийом, – похвалил его дон Луис. – Браво!

– Да уж, язык у него славно подвешен, – захихикал Матисс.

– Я видел такой же тотем в одном антикварном магазине, – сказал Пабло. – Да, об этом определенно стоит подумать.

– Что ж, вот и подумайте, – огрызнулся Матисс. – Если это поможет вам выработать собственный стиль, я буду счастлив. Поймите: фовизм – это моя территория! А теперь, друзья, я должен идти. Мне нужно закончить интервью.

Матисс надел шляпу, отвернулся и оставил Аполлинера, донна Луиса и Пабло дальше рассуждать о тотемах.

Глава 27

Изгнание

Фернанда, сидя в их маленькой студии, писала в своем дневнике, как она делала каждое утро, пока Пабло яростно работал, стоя у своего мольберта:

«Он трудится как одержимый, будто его время вот-вот выйдет. Холсты, искусство были его первой любовью, и его тайная цель скрывалась где-то под множеством слоев краски, которую он, будто одержимый, накладывал вновь и вновь, словно по велению непреодолимого, загадочного инстинкта».

Громкий, настойчивый стук в дверь нарушил эту мирную сцену. Фернанда встала, чтобы открыть, в то время как Пабло продолжал работать, и увидела ухмыляющегося домовладельца и жандармов с дубинками – для устрашения. Старик сунул в Фернанде руки листок бумаги и злорадно улыбнулся.

– Я принес вам свадебный подарок... – насмешливо объявил старикашка. – Вот, держите: уведомление о выселении! Эти жандармы – мои свидетели: они видели, что вы получили бумагу. У вас есть два дня, чтобы освободить помещение, не то вас вышвырнут на улицу!

– Что? Всего два дня? – возмущенно воскликнула Фернанда.

Пабло бросил палитру на пол, в глазах его бушевал гнев.

Домовладелец нервно попятился и спрятался за жандармов.

– Вот видите! – дрожащим голосом пробормотал домовладелец. – Он снова запугивает меня!

– Извините, месье, – обратился к Пабло жандарм, – но вы должны подчиниться приказу о выселении.

Пабло потерял дар речи. Он будто врос в пол, он жаждал задушить этого маленького ублюдка, ему страстно хотелось дотянуться до его тощей шеи, но вместо этого он лишь через силу кивнул, и домовладелец скрылся вместе с жандармами.

Фернанда захлопнула за ними дверь.

– Кровопийца! – взывала она. – Эти ублюдки – все одинаковые! Что нам делать, Пабло? Куда нам идти? У меня совсем мало денег...

Пабло подошел к окну, посмотрел на мокрую, мрачную улицу под моросящим дождем. Молния рассекла небо, раздался удар грома, и начался ливень, такой сильный, что пришлось закрыть ставни. Пабло обернулся к Фернанде.

– Мы на некоторое время уедем из Франции. Я знаю одну славную маленькую деревушку в Испании...

– Испания... Но как мы туда доберемся? Пешком?

– Нет. Гертруда просила написать ее портрет. Если я за это возьмусь, она даст мне денег. Схожу к ней сегодня же вечером. Дай мне какую-нибудь мелочь, пойду на соседний рынок, куплю чего-нибудь съестного.

Фернанда с недовольной миной полезла в сумочку и протянула Пабло пять франков. Он обнял ее, поцеловал и двинулся к дверям, набросив на широкие плечи дождевик.

– Не беспокойся, моя Муза, ты полюбишь мою страну. Поедем туда, и как можно скорее.

Глава 28

Убежище в Госоли

1906 год

Жизнь в деревне Госоли с весны до середины августа 1906 года полностью изменила Пабло. Приехав сюда, Пабло и Фернанда на время поселились в единственной гостинице, которая называлась «Каль-Тампанада».

По сравнению с Парижем это место было очень тихим. Пабло, не находя, чем занять день, в конце концов выбрал в качестве предметов изображения местную скотину и деревенских жителей, а также стал писать Фернанду. За время, проведенное в Госоли, он полностью сменил свою цветовую палитру, стиль набросков и ритм композиции. Ему всегда было нелегко находить цветовое решение, и там он вернулся к монохромной палитре, более испанской по духу. Тона «голубого периода», которые господствовали в работах Пикассо с конца 1904-го и до 1906 года, сменились новыми, характерными для так называемого розового периода, – тонами керамики, или сырого мяса, или самой земли, – как на картине 1906 года «Гарем».

Судя по всему, Пабло стал по-новому работать с цветом, стремясь к скульптурности форм, как видно в картинах «Две обнаженные» и «Туалет». Он продолжал трудиться над «Портретом Гертруды Стайн» и над своим «Автопортретом с палитрой», в которых отразились его искания, а также влияние иберийской скульптуры.

Морозная зима в холодной пиренейской деревушке Госоли, что находится в испанской провинции Каталонии. Побелевшие дороги блестят от только что выпавшего снега, недавно над негостеприимным ландшафтом пронеслась яростная снежная буря. Та зима оказалась суровой во многих отношениях...

Пабло и Фернанда переехали в крошечный домик в центре деревни с единственным маленьким камином. Чтобы уберечься от холода, им приходилось надевать побольше одежды. Пабло обрезал пальцы на шерстяных перчатках, чтобы удобнее было держать кисть. В камине всегда висел котелок с кипящей водой – для чая, кофе и для мытья.

Пабло разглядывал несколько коричневатых фотографий Гертруды Стайн, в то время как Фернанда тушила в висящем над огнем котелке мясо. На обоих, как обычно, было надето много

разной одежды.

– В чем дело, Пабло? Ты до сих пор не начал писать портрет, который ей обещал. Когда начнешь?

– Ох уж эта корова!.. Как, спрашивается, я должен сделать такое безобразное лицо красивым? – Пабло отшвырнул фотографии.

Фернанда продолжала помешивать еду, уныло качая головой.

– Мы умрем с голоду, если только раньше не замерзнем. Едим лишь бобы да картошку. Что тут поделаешь? Пиши Гертруду такой, какой ее видишь!

Пабло подошел к книжной полке, где стоял его маленький африканский тотем, взял его в руки и стал задумчиво рассматривать, а потом поставил на стол около мольберта.

– Похоже, я нашел решение.

– Тебе помогла эта статуэтка?

– Я хочу кое-что попробовать...

Фернанда в раздражении плюхнула содержимое котелка на тарелку, расплескав соус по столу.

– Делай что хочешь... Только закончи этот чертов портрет и заberi наконец вторую половину гонорара. Я хочу жить по-человечески, будь ты проклят!

– Заткнись, женщина! – прикрикнул на нее Пабло. – Я не слышу себя, не могу думать, когда ты хнычешь.

Фернанда схватила свою тарелку с едой, швырнула ее в стену и яростно крикнула:

– Дерьмо! Что ты о себе возомнил?

Пабло, не обращая внимания на эту истерику, подошел к мольберту и начал писать.

Поздно вечером, когда Фернанда вернулась, она увидела, что в доме темно: в окнах не было света. Пабло, наверное, заснул. Не желая будить его в такой поздний час, она осторожно приоткрыла дверь, давая глазам привыкнуть к темноте. Все было тихо. Пабло спал в кресле. Когда Фернанда посмотрела на мольберт и увидела, что он сделал с портретом Гертруды, она не поверила своим глазам: «Господи, что же это такое?» И она грубо растолкала спящего Пабло.

– Что ты наделал, что это за шарж! – крикнула она.

Пабло глянул на нее из кресла, приоткрыв один глаз, затем встал, угрожая сжав кулаки.

– Не начинай все снова. Не мешай мне, женщина, я еще не закончил.

И он с силой ударил ее по щеке. Фернанда вскрикнула и в слезах убежала в спальню, захлопнув за собой дверь.

Ранним утром Пабло снова начал работать, при этом все представляя себе, как африканец бежит через темные джунгли. В ушах его звучал мерный ритм барабанов.

Реалистичный набросок углем одиноко сидящей фигуры Гертруды Стайн на холсте был почти завершен, не хватало только фона. Пабло долго смотрел на тотем и внезапно начал писать лицо жирными мазками черного и серого, делая его неким подобием маски, похожим на африканскую скульптуру.

Пабло работал в бешеном темпе, в каком-то трансе смешивал краски на палитре и бросал их на полотно. Он то отходил от холста, то подбегал к нему, превращая лицо Гертруды в ожившую африканскую маску... Стены маленького дома начали таять, вокруг поднялись заросли джунглей с висящим среди деревьев туманом; без умолку, оглушительно били барабаны... Перед художником появилась Гертруда: она пыталась что-то сказать, он не слышал ее из-за барабанного боя, но это было неважно. Он добавлял черный, коричневый, охра, белила. Краска капала ему на руки, на белую грубую рубаху. Гертруда протянула тяжелую руку, выхватила у него кисть и бросила на пол...

Пабло очнулся. Над ним стояла Фернанда. С озабоченным выражением лица она держала в руке кисть.

– Пабло, Пабло! Ты потерял сознание! Ты был словно одержимый. Что с тобой? Так нельзя...

Художник с трудом поднялся и подошел к мольберту. Фернанда зашла сзади и стала из-за его плеча рассматривать переделанный портрет Стайн.

Портрет был вовсе не так плох, как она ожидала, и Фернанда улыбнулась.

– Конечно, портрет еще сырой... Это совершенно новый способ видения, и я все-таки не думаю, что Гертруде понравится.

Измученный Пабло бросил кисти на стол.

– Да будь все проклято! Плевать мне, что она подумает!

– Почему?

– Потому что, как оказалось, главное в этом портрете – вовсе не лицо Гертруды. Мне удалось уловить ее сущность и запечатлеть ее в пространстве и времени.

Фернанда была уже готова снова начать воевать с Пабло, когда в дверь постучали. Она открыла. На пороге стоял деревенский почтальон, старик в длинном пальто и шапке. Отряхивая с ботинок снег, он протянул Фернанде свернутую в рулон «Парижскую газету».

Подбежав, Пабло быстро выхватил газету из рук почтальона и начал листать страницы, выискивая раздел критики.

– Вот! – взволнованно воскликнул Пабло и начал читать:

«Работы молодого художника Пабло Руиса Пикассо, выставленные в галерее Воллара, внимания не стоят, поскольку представляют собой вульгарную имитацию Матисса. Совершенно очевидно, что этот молодой испанец неспособен создать что-либо оригинальное и потому навсегда обречен на заурядность и банальность».

Пабло вырвал страницу, скомкал ее и швырнул на пол. Затем схватил портрет Стайн и кинул его в камин. Пораженная, взбешенная Фернанда подлетела и выдернула портрет из огня.

– Идиот! Что ты делаешь? По крайней мере, о тебе хоть что-то написали. Неужели ты этого не понимаешь?

– Чего же я не понимаю? Я вижу, что делают критики. Они пытаются меня сломать! – Пабло кипел от злости, шагая по комнате и потирая свою трехдневную щетину. Он был взбешен. Он подошел к кипе готовых картин, стоявших у стены, вытащил оттуда две, схватил краски и кисти и начал неистово переписывать самые прекрасные, цельные, реалистические работы.

Фернанда не верила своим глазам. Она смотрела на Пабло, как на безумного.

– Перестань, их можно продать... Прекрати! – умоляла она, пытаясь отобрать у него работы.

Но к Пабло лучше было не подходить, глаза его неистово горели, он ничего не слышал.

– Пошла прочь! – крикнул он и оттолкнул Фернанду.

– Остановись, ты губишь свои лучшие картины!

– Я их создал и сделаю с ними, что захочу. Оставь меня, мне нужно работать!

Он отвернулся от Фернанды, которая, рыдая, кинулась в спальню и захлопнула за собой дверь.

Глава 30

Мастер за работой

Пабло, как безумный, писал всю ночь. Он переделывал картину за картиной. Он хватал одну, немного работал над ней, отставлял ее в сторону и принимался за другую. Его ярость вызывала к жизни странные мрачные угловатые фигуры. На большом холсте возникла одна особенно выразительная картина, которая впоследствии получила название «Авиньонские девицы».

Его жестокое обращение в этой картине с женским телом, изображение лиц в виде масок было следствием влияния африканских и иберийских тотемов. Хотя, разрабатывая новые формы, Пабло использовал образ тотема, картина эта определенно была крепко связана с живописной традицией. Вновь возникший у Пабло интерес к Эль Греко отразился в раздробленности пространства и жестов, в то время как композиция в целом отчасти восходит к «Купальщицам» Сезанна и серальным сценам Энгра.

Сюжет картины «Авиньонские девицы» связан с Авиньонской улицей в Барселоне, которую Пабло и Макс частенько навещали. На этой улице находились популярные бордели, посещение которых в те времена считалось вызовом общественной морали. Жившие там женщины представляли собой далеко не идеал красоты – они были проститутками, бросившими вызов традициям общества, в котором родились.

Проснувшись, Фернанда обнаружила, что Пабло все еще стоит возле мольберта и яростно работает, а по всей комнате расставлены картины на подрамниках. Пабло с кистью в руке неистово исполнял миссию, для которой был рожден. Его черные глаза горели страстью, граничащей с безумием. Он что-то бормотал себе под нос, а его руки буквально летали, когда он быстро, крупными мазками накладывал краску на этюд «Авиньонских девиц».

– Нет, Пабло, только не эту, пожалуйста! Это одна из твоих лучших работ!

Но Пабло не обращал на Фернанду внимания.

– Если бы только я мог увидеть тут таких женщин... – шептал он себе.

Он писал женские тела смелыми мазками черной краски, пока стоящие обнаженные проститутки на картине не стали похожими на африканские статуэтки.

– Ты и в самом деле обезумел! – закричала Фернанда и схватила его за руку. – Пожалуйста, остановись!

– Ты не понимаешь, о чем говоришь. – Пабло сплюнул и оттолкнул Фернанду.

– Ты, сукин сын! Ты губишь месяцы работы, губишь свои лучшие вещи. Гийом и Дерен подумают, что ты сошел с ума.

– Мне все равно, что они подумают. Отойди, или я вышвырну тебя отсюда!

– Ха! Может, я и сама уйду, так что не стоит беспокоиться... Я больше не могу этого выносить. Я уже совсем тебя не понимаю, – всхлипывала Фернанда, выходя из комнаты.

Пабло равнодушно взглянул на нее через плечо и пробормотал:

– Это близко, я чувствую: что-то захватывающее, невероятное, непостижимое – что-то оригинальное, глубокое, что открывается не всякому...

Одним резким движением он отбросил кисть, потом палитру, запустил пальцы в испачканные краской волосы и смиренно отвернулся от холста, словно побитый. Сколько времени он не мылся, не ел, не брился?

Его одежда была пропитана краской и потом, волосы были грязны, лицо густо покрывала щетина. Может быть, Фернанда права, нужно взять себя в руки? Он задумчиво опустил взгляд на медальон Кончиты.

– Я потерпел неудачу, малышка, – прошептал Пабло, и его глаза наполнились слезами. Затем он посмотрел на камин. Огонь почти погас, пальцы сводило от холода, а еще столько нужно

было сделать. Пабло оглядел мрачную комнату и, ожидая увидеть Фернанду, подошел к двери в спальню. Он повернул ручку, однако дверь была заперта изнутри.

Пабло пожал плечами, надел свое серое пальто и шерстяную шапку и вышел на улицу нарубить дров.

Позднее, среди ночи, когда Пабло спал беспокойным сном около Фернанды, его разбудил вой ветра. Он, глубоко задумавшись, стал смотреть на звездное небо сквозь присыпанное снегом окно.

Чуть погодя он поднялся с кровати и подошел к окну. Глубокие сугробы сверкали под лунным светом. Пабло следил, как снежные хлопья разбиваются о раму окна.

На следующее утро он снова стал работать над картиной «Авиньонские девицы». Разозлившись на себя, он разбросал кисти по столу, опрокинул банки с красками.

– Всё! Хватит!

В гневе схватив ручное зеркальце, лежавшее рядом на столе, Пабло ударил по нему кулаком, и на пол посыпались осколки.

Фернанда подошла к нему и умоляющим голосом произнесла:

– Нельзя так работать, ты себя губишь!

Пабло, как обычно, не слушал ее: он жил своей жизнью, прислушиваясь к звучанию собственной совести. Вдруг он увидел что-то совершенно неожиданное. Наклонился и стал внимательно рассматривать сверкающие осколки разбитого зеркала, лежавшие на полу сотнями маленьких клинышек. Он увидел в них свое искаженное лицо, глядевшее бесчисленным множеством глаз.

Пабло выпрямился с видом человека, сделавшего открытие, и закричал:

– Вот оно! Вот то, чего я так долго искал!

И тут же начал вставлять кусочки стекла обратно в раму от зеркала, играя с ними, меняя осколки местами.

Озабоченная, сбита с толку Фернанда молча, сжав руки, наблюдала за Пабло.

Его лицо отражалось в осколках, преображаясь под разными углами зрения – то собираясь воедино, то распадаясь на отдельные самостоятельные части. Фернанда, стоя рядом с художником, наклонилась, чтобы лучше разглядеть, что он делает.

– Что ты пытаешься там увидеть? – спросила она.

– Смотри, смотри на себя в зеркало! – возбужденно смеялся Пабло. – Вот оно, недостающее звено между Матиссом и Сезанном! [27]

Фернанда сосредоточено смотрела на разбитое зеркало, и, когда ее странно искаженное, угловатое лицо засмеялось ей, она вдруг начала понимать, о чем речь.

– Я вижу, вижу! – закричала Фернанда. – Это будто сотни крошечных кубиков!

Пабло собирал осколки и укладывал в раму, не отрывая от них глаз. Потом поставил холст с «Авиньонскими девицами» обратно на мольберт и с удвоенной силой начал работать.

Глава 31

Большая выставка

Париж, 1909 год

В загородном поместье Воллара недалеко от Парижа группа богатых, красиво одетых меценатов входила в величественный особняк XVII века.

Люди кружили по огромному выставочному залу, разглядывая работы Пабло, относящиеся к «голубому» и «розовому» периодам.

Воллар был занят беседой со старым другом, известным немецким маршаном. То был Даниэль-Генри Канвайлер, высокий худой мужчина лет шестидесяти со стальными голубыми глазами и седой бородкой.

Канвайлер, которого готовили к карьере финансиста, предпочел заниматься искусством и поселился в Париже, где открыл в 1907 году небольшую галерею. Его заинтересовали работы нескольких молодых художников, и вскоре уже он стал эксклюзивным агентом Жоржа Брака, Андре Дерена, Мориса де Вламинка, Фернана Леже и Хуана Гриса. Он также издавал много книг по искусству разных авторов, в том числе Гийома Аполлинера, Андре Мальро и Антонена Арто.

Воллар был явно взволнован. Он стоял за сценой и, выглядывая из-за длинных полотнищ задернутого занавеса из красного бархата, наблюдал за толпой гостей, которые рассаживались по местам.

– Амбруаз, – сказал Канвайлер, – я никогда не видел, чтобы вы так нервничали. В чем дело, дружище?

– Эта выставка или откроет передо мной большое будущее, или погубит меня. Пабло Пикассо заставил нас балансировать на зыбкой грани между абстракцией и фигуративностью. Некоторые из моих коллег боятся, что эту выставку объявят фарсом. А ведь на кону – будущее всего современного искусства.

– Понимаю... А что, ситуация настолько серьезна?

– Боюсь, что да.

У другого конца сцены, тоже за кулисами, стояли Пабло и Макс: они наблюдали за собравшейся толпой. Пабло казался спокойным.

– Это очень важный момент в твоей жизни, – сказал Макс. – Как, ты думаешь, они к этому отнесутся?

– Никогда не знаешь, что подумают критики, – ответил

Пабло. Люди выстроились в проходах, ожидая, когда их рассадят по местам. – У нас на глазах критики погубили слишком много талантов, не так ли?

– А ты слышал о грядущей войне? – спросил Макс.

– Какой войне?

– Пока ты сидел в Госоли, вооруженные силы Германии и Австрии трудились сверхурочно – создавали условия для начала крупного общеевропейского конфликта.

– Зачем эти глупости?

– За время правления кайзера Вильгельма II Германия постепенно отошла от статус-кво и заняла куда более агрессивную позицию. Кайзер выступил против продления договора с Россией и заключил альянс с Австро-Венгрией.

– А нам какое до этого дело?

– Большое. Франция и Россия заключили союзническое соглашение, но Германия отказалась к нему присоединиться и теперь строит флот, что беспокоит британцев, поскольку угрожает их безопасности. К сожалению, Европа разделилась на два военных лагеря.

– Лагеря...

– Да, соединенные силы Британии, Франции и России называются Антантой, Германия же объединяется с Австрией. Мне, мой друг, война представляется неизбежной, и достаточно будет малейшей искры, чтобы ее разжечь.

– Ты, должно быть, шутишь. Война Европе совершенно не нужна, – возразил Пабло. – Ты уверен в том, что говоришь?

Подошли Воллар с Канвайлером и прервали их разговор, так что Макс не смог ответить на вопрос приятеля.

– Пабло, я хотел бы познакомить вас с моим старым другом и коллегой, – сказал Воллар. – Это Даниэль-Генри Канвайлер.

Пабло протянул руку для пожатия.

– Рад с вами познакомиться, месье.

– Месье Канвайлер – известный маршан и коллекционер из Германии, и, должен сказать, весьма успешный!

Пабло крепко пожал руку Канвайлера.

– А, так вы, должно быть, сочувствуете вооруженным силам Германии? – многозначительно глядя в глаза Канвайлеру, сказал Пабло.

Канвайлер чуть задумался, услышав такое странное предположение, но потом, удивленно подняв брови, рассмеялся.

– Нет, я не имею ничего общего с этой чепухой. Я просто торговец, который пытается заработать себе на жизнь.

– Приятно слышать, – сказал Пабло.

– Похоже, вы вызвали большой переполох с этим, как вы его

называете, «кубизмом», – заметил Канвайлер. – Когда будет ясно, что все прошло хорошо, возможно, я договорюсь с Амбруазом и о других выставках в других местах.

– Вы хотите сказать – если станет ясно, что все прошло хорошо, и если это случится при моей жизни, – усмехнулся Пабло.

Канвайлер холодно взглянул на него.

– Ну у вас и характер! – и вдруг рассмеялся, чтобы снять возникшее напряжение.

Воллар снова выглянул из-за занавеса в зал, где увидел критика Феликса Батона, прибывшего с двумя молодыми людьми. Критик злобно хихикал, пока вся компания усаживалась на свободные места.

– Так-так, – протянул Воллар. – Явился Феликс Батон со своей свитой, туземцы обеспокоены.

– Пора... – торопил Пабло.

Воллар в последний раз внимательно посмотрел на художника, вышел в щель между полотнищами занавеса на авансцену и встал перед двумя сотнями людей, пришедших на открытие. Включился свет над сценой, а светильники в зале стали гаснуть и постепенно потухли совсем.

– Дамы и господа, дорогие друзья, – громко заговорил Воллар. – Большое спасибо вам за то, что пришли сегодня сюда. Надеюсь, вы получите удовольствие от этой совершенно особенной выставки современного искусства... Я желал бы поблагодарить мисс Гертруду Стайн за ее помощь в организации этого показа.

Собравшиеся восторженно зааплодировали. Все взгляды устремились на сидящую в зале Гертруду, она кивала и улыбалась. Рядом с ней сидели Фернанда и Хайме Сабартес.

Воллар взял лист бумаги и начал читать:

«Дамы и господа, прошу вашего внимания. Мы открываем выставку работ оригинального молодого художника. Его зовут Пабло Пикассо, он создал совершенно новую живопись; живопись, свободную от всех былых представлений, – новый стиль, в котором изображение складывается из отдельных элементов: кубов, дуг и клиньев, – представленных в уплощенной перспективе и свободно продолжающихся друг в друге... В его живописи плоскости взаимно накладываются друг на друга, отражаясь друг в друге, и этот смелый прорыв в живописи называется “кубизмом”».

Воллар опустил листок и указал на занавес.

– Друзья мои, я представляю вам картину Пабло Пикассо «Авиньонские девицы»!

Воллар поднял руку, занавес медленно раздвинулся, и стала водна стоящая на сцене большая картина, ширина и высота которой лишь немного не достигали двух с половиной метров.

На мгновение в зале повисла странная, неловкая тишина. Затем раздался гул толпы. Люди, пораженные необычностью картины, не знали, как реагировать.

Феликс Батон с двумя своими спутниками сидел на балконе. Он наклонил голову, что-то прошептал, и один из молодых людей встал и крикнул вниз, в направлении сцены:

– Это позор!

Его приятель подмигнул Феликсу и тоже встал.

– Надувательство! – крикнул он.

Люди крутились в своих креслах и, испытывая неловкость, поглядывали друг на друга, желая понять, что же все это

означает. В воздухе повисло острое напряжение.

Тут со своего места поднялся Феликс и крикнул публике:

– Какая дешевка! Это оскорбительно для искусства!

Макс хорошо понимал, чего добивается Феликс. Он кивнул стоявшему рядом Аполлинеру и стал выискивать среди растерянных лиц своих единомышленников. Один из сообщников Феликса начал шикать, и это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Макса.

Взяв газету, он снял ботинок, завернул его в лист и поднялся на балкон. Там он встал за спиной у Феликса. Молодые спутники критика, перегнувшись через перила балкона, выкрикивали ругательства и Макса не заметили.

Он быстро огляделся, чтобы удостовериться, что никто на него не смотрит, и сильно ударил Феликса. Два молодых человека обернулись и обнаружили, что Феликс тяжело опускается в свое кресло.

Аполлинер вспрыгнул на сцену и поднял руки, пытаясь утихомирить взволнованную публику.

– Дамы и господа! – крикнул он. – Пикассо отворил двери в неведомое! Это – открытие!

Макс стоял в проходе и аплодировал, поддерживая Аполлинера.

– Пикассо – гений!

Все больше и больше людей присоединялось к аплодисментам, и наконец они перешли в лихорадочные, оглушительные, продолжительные овации [28].

Пабло протиснулся из-за кулис, и Воллар с Канвайлером вытащили его на авансцену.

Пабло обнаружил, что внезапно потерял дар речи – неожиданное восхищение и внимание ошеломили его. В течение всех лет борьбы он не сомневался в том, что слава к нему придет. Он всегда верил, что она предначертана ему судьбой, и все же реальность застигла его врасплох. О таком успешном показе можно было только мечтать. Художника окружали улыбающиеся лица, его похлопывали по спине, ему пожимали руку, вокруг стоял гул голосов.

Мысли Пабло блуждали, а где-то внутри звучал тоненький голосок его маленькой сестры Кончиты: «Однажды ты станешь знаменитым, Пабло... Я это знаю!»

Он обводил аплодирующую толпу невидящим взглядом и мысленно говорил с сестрой: «Я не забываю тебя, моя малышка, и никогда не забуду». Он поцеловал медальон. Глаза его так и лучились радостью.

В толпе рядом с Гертрудой и Хайме стояла переполненная чувствами Фернанда. По ее красивому лицу катились слезы. Когда шум аплодисментов начал стихать, все трое стали пробираться к сцене, к Пабло. Фернанда обратилась к Гертруде.

– Что все это означает для Пабло?

– А вы, дитя, не понимаете? Что ж, он открыл совершенно новое направление в искусстве, и я сомневаюсь, что теперь все останется, как было прежде.

– Родился кубизм, – добавил Хайме.

– А как бы вы объяснили, что такое этот кубизм? – спросила Фернанда.

– Кубизм – это геометризация и уплощение формы, – пояснил Хайме. – Ничего подобного не было еще никогда.

Гертруда вмешалась в разговор:

– Это нововведение живописцы называют термином «сдвиг» или «взаимное наложение» объектов.

– Взаимное наложение... Боюсь, я не понимаю, – сказала Фернанда, покачив головой.

Хайме улыбнулся и посмотрел на Гертруду в надежде, что той удастся объяснить лучше.

– Моя дорогая, взаимное наложение – как раз и есть самое главное в работах Пикассо. Это откровенный бунт против условностей в искусстве. В катинах Пабло есть своя особая логика, совершенно оригинальная и свободная от предрассудков. Это гениально!

За кулисами Хайме увидел висящую на стене темносинюю картину «Жизнь», посвященную Карлосу Касагемасу.

– Карлос бы им гордился, – сказал Хайме, обращаясь к Фернанде. – В этом портрете Пабло ухватил самую суть своего друга.

Сжимая в руке медальон Кончиты, Пабло в одиночестве сидел за кулисами и размышлял. К нему подошли Аполлинер и красивый молодой человек выразительной внешности, лет двадцати с небольшим. На нем были красный, небрежно надетый берет и так же небрежно замотанный вокруг шеи золотистый шелковый шарф. Молодого человека окутывала атмосфера уверенности и шика.

– Пабло... Это Жорж Брак [\[29\]](#).

Брак шагнул вперед и протянул руку.

– Я так много слышал о вас, – сказал он. – Быть может, вы окажете мне честь и посетите как-нибудь мою студию?

Пабло крепко пожал протянутую ему руку.

– А почему бы и не зайти? Я слышал о вас и знаю, что вы тоже интересуетесь абстракцией.

– Так и есть, – подтвердил Жорж. – Давайте встретимся. Я оставлю свой адрес у Воллара.

Разговор был прерван Максом и небольшой группой доброжелателей, которые подняли Пабло на плечи, восхваляя его поразительный успех. Они, будто зрители корриды, чествовали матадора, осыпая арену цветами в знак восхищения его дерзостью и мужеством. Победенный бык лежал у его ног.

notes

Примечания

244 × 234 cm.

Доброе утро (*исп.*).

Ничего (*исп.*).

Болван (*исп.*).

Большие деньги (*исп.*).

Дружище (исп.)

Свиная колбаса (*исп.*).

Пер. Эллиса.

«Прекрасная эпоха» (*фр.*) – период конца XIX – начала XX века, до 1914 года.

Да, да... (исп.)

Кретины! Вы соображаете, что творите?!

Лионский вокзал, идиоты! Выметайтесь, выметайтесь! (*фр.*)

Остров Сите (*фр.*).

Анна Фореин – вымышленное автором имя. Девушку с которой познакомились Пикассо и Касагемас, звали Жерменой (*прим. ред.*).

Прияатель (*исп.*).

Вот! ($\phi p.$)

Торговец произведениями искусства (от *фр.marchand* – торговец, купец).

Женские половые органы (*исп.*).

«Записки песка».

Автор несколько переосмыслил сюжет. Девушку, из-за которой Касагемас покончил жизнь самоубийством, звали Жерменой. Пикассо не был в такой степени замешан в этой любовной истории. На момент гибели друга его не было в городе, а жить с Жерменой он стал только после смерти Карлоса (*прим. ред.*).

Мой друг (*фр.*).

Спасибо (*фр.*).

Салон Независимых (*фр.*).

Fauve – дикий (*фр.*)

Винный напиток с содержанием листьев коки, созданный в 1863 году французским химиком корсиканского происхождения Анджело Мариани.

У него большое влияние, мой друг (*исп.*).

Это авторская интерпретация событий, призванная сделать читателя свидетелем зарождения кубизма (*прим. ред.*).

Авторское переосмысление событий. Успех картины не был таким молниеносным и оглушительным. Полотно несколько лет лежало в студии художника и было выставлено впервые только в 1916 году.

В действительности Пикассо и Брак познакомились несколькими годами ранее.